LI 371/1286

ЭБ

2007096142

427-2-136. 9р
Д 103 393
И 371/1286

Печатано съ разрѣшенія Г. Вятскаго Губернатора.

ОСТАТКИ ЯЗЫЧЕСТВА

У ВОТЯКОВЪ.

Гос. Библ. имени В. И. Ленина С.С.С.Р.

Гр. Верещагина.

Перепечатано изъ Календаря Вятской губерніи на 1896 годъ.

ИЗДАНІЕ ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

ВЯТКА.
Губернская Типографія.
1895.

53

Гос. суд. ростенная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА
38775-46

ОСТАТКИ ЯЗЫЧЕСТВА У ВОТЯКОВЪ.

Гр. Верещагина.

Предлагаемая статья заключаетъ въ себѣ новый матеріалъ, собранный въ небольшомъ районѣ Шарканскаго прихода, Сарапульскаго уѣзда, преимущественно въ дер. Ляльшурѣ, и служитъ дополненіемъ къ прежде изданнымъ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ трудамъ нашимъ. Первый разъ статья наша о вотякахъ была помѣщена, въ 1884 году, въ XX томѣ „Извѣстій“ названнаго общества подъ заглавіемъ „Вотяки Сосновскаго края“; потомъ подъ такимъ же названіемъ въ 1886 году издана отдѣльная книга [1]); а въ 1889 г. вышелъ въ свѣтъ другой трудъ [2]), заключающій въ себѣ новый матеріалъ; затѣмъ въ 1892 году представлена въ географическое общество рукопись: „Очерки воспитанія дѣтей у вотяковъ Вятской губерніи“, отзывъ о которой помѣщенъ, между прочимъ, и въ „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, въ № 38 за 1892 г. Съ тѣхъ поръ о вотякахъ статей нашихъ не печаталось.

Со времени выхода въ свѣтъ первой статьи нашей въ религіозной жизни вотяковъ произошло много перемѣнъ. Перемѣны эти объясняются болѣе вліяніемъ на нашихъ инородцевъ грамотности, о развитіи которой въ данной мѣстности мы прежде всего дадимъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

Село Шарканъ, въ приходѣ котораго находится деревня Ляльшуръ, открыто въ 1837 году. Приходъ во время открытія села состоялъ исключительно изъ новокрещенныхъ вотяковъ, обращенныхъ въ христіанство стараніями миссіонеровъ Казанской инородческой конторы. Въ это время порядочныхъ грамотеевъ, по отзывамъ стариковъ, въ Шарканскомъ приходѣ было всего около трехъ человѣкъ. Грамотеи эти пользовались среди сво-

---

[1]) Записки И. Р. Г. О. по отд. этнографіи, т. XIV, вып. 2 й 1886 года.

[2]) Вотяки Сарапульскаго уѣзда (Записки по отд. этнографіи, т. XIV, вып. 3-й).

ихъ единоплеменниковъ большимъ уваженіемъ. Отсутствіе грамотныхъ заставляло нѣкоторыя селенія выбирать изъ своей среды особыхъ уполномоченныхъ для поѣздки за 50 и болѣе верстъ, чтобы прочитать и перевести на вотскій языкъ какую нибудь оффиціальную бумагу, напримѣръ указъ, объявленіе.....

Новопросвѣщенные, по принятіи ими христіанства, были приписаны къ приходамъ селъ: Черновскаго, Оханскаго уѣзда (въ 50 верст.), и Чутырскаго (въ 50 верст.), и священно-церковно-служители названныхъ селъ обучали новокрещенныхъ, въ домахъ ихъ и приходскихъ церквахъ, истинамъ вѣры; затѣмъ начали нѣкоторыхъ, болѣе развитыхъ и жаждущихъ просвѣщенія, обучать русской грамотѣ по букварямъ церковной печати. Обученные, въ свою очередь, обучали другихъ. Съ открытіемъ же въ Шарканѣ села, священно-церковно-служители завели въ этомъ селѣ частную школу и въ ней стали обучать сначала безмездно, а потомъ, когда школа открылась формальнымъ образомъ, получали извѣстную плату. Такъ возникла въ с. Шарканѣ школа, существующая до настоящаго времени.

До открытія въ дер. Ляльшурѣ земскаго училища, нѣкоторые изъ болѣе зажиточныхъ инородцевъ обучали грамотѣ дѣтей въ Воткинскомъ заводѣ (въ 35 верст.), платя за обученіе по 1 р. и болѣе въ мѣсяцъ. Особенно стали обучать тѣхъ сыновей, которые должны были идти въ военную службу. Но дальнее разстояніе не всѣмъ давало возможность или охоту обучать дѣтей въ заводѣ; большая часть обучала въ с. Шарканѣ, помѣщая на квартирахъ у мѣстныхъ священно-церковно-служителей. Сознаніе пользы отъ грамоты породило въ нѣкоторыхъ мысль завести у себя въ деревнѣ частную школу, чтобы дать дѣтямъ хотя полушкольное образованіе. Учителями въ этой школѣ служили праздно шатающіеся изъ русскихъ грамотеевъ, преимущественно изъ уволенныхъ отъ должности волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ, равно изъ заводскихъ мастеровыхъ. Жалованье платили имъ съ количества учениковъ деньгами и хлѣбомъ; кормили ихъ, сверхъ того, хлѣбомъ. Но такіе учителя далеко не удовлетворяли требованіямъ народа, обучая дѣтей лишь одному безсознательному чтенію и письму; къ тому же они, по словамъ инородцевъ, больше собирали въ домахъ кумышку [1]), чѣмъ занимались обу-

[1]) Національный вотскій напитокъ (водка), вареніе котораго уже воспрещено Высочайшимъ повелѣніемъ 24 апрѣля 1890 года. Напитокъ этотъ извле-

ченіемъ дѣтей. Все это наконецъ побудило инородцевъ обратиться въ земство съ просьбой открыть въ деревнѣ Ляльшурѣ земское училище, при чемъ общество приговоромъ своимъ обязалось содержать на свой счетъ сторожа и отапливать школу. Сарапульское земство открыло въ названной деревнѣ школу, которая и существуетъ съ 12 октября 1887 года. Въ школѣ этой обучаются мальчики и дѣвочки, по введеннымъ учебникамъ. Дѣтей родители въ школу отдаютъ охотно, съ полнымъ сознаніемъ пользы грамоты. Грамотные есть уже почти въ каждомъ домѣ, напримѣръ въ дер. Ляльшурѣ, а у нѣкоторыхъ отцовъ не только сыновья, но и дочери грамотны.

Поступившихъ въ школу, со времени открытія оной, было:

въ 1887 году	49	мал.	и	11	дѣв.	въ 1891 году	20	мал.	и	5	дѣв.
„ 1888 „	21	„	„	3	„	„ 1892 „	19	„	„	2	„
„ 1889 „	31	„	„	5	„	„ 1893 „	29	„	„	1	„
„ 1890 „	15	„	„	—	„	„ 1894 „	16	„	„	5	„

Итого за 8 лѣтъ 200 мальчик. и 32 дѣвочки, обоего пола 232 человѣка.

Кончили полный курсъ ученія:

въ 1889 году	6	мал.	и	1	дѣв.	въ 1893 году	6	мал.	и	1	дѣв.
„ 1890 „	6	„	„	—	„	„ 1894 „	11	„	„	—	„
„ 1891 „	6	„	„	2	„						

Итого 35 мальчиковъ и 4 дѣвочки, всего же 39 человѣкъ.

Въ 1892 году выпуска не было вслѣдствіе тифозной горячки, которая свирѣпствовала въ дер. Ляльшурѣ всю зиму этого года.

Изъ вышеприведенныхъ чиселъ видимъ, что изъ 232 чел., поступившихъ въ школу, кончило курсъ только 39 чел. обоего пола; остальные выбыли изъ школы до окончанія въ ней курса. Большая часть выбывшихъ перестала учиться на 12 году, проучившись въ школѣ два года слишнимъ и научившись, по понятіямъ инородцевъ, удовлетворительно читать и писать. Они, конечно, вышли бы со свидѣтельствами, но разнаго рода семейныя обстоятельства не дозволили остаться въ школѣ до оконча-

---

дованъ приватъ-доцент. Казанскаго университета, докторомъ медиц. В. Д. Орловымъ, о чемъ составлена имъ статья подъ названіемъ: «Кумышка—водка вотяковъ», которая помѣщена въ «Вѣстникѣ обществ. гигіены, суд. и практ. мед.», въ т. IX, к. 2, отд. 2, за 1891 г.

нія курса. Между причинами преждевременнаго оставленія дѣтьми школы заключается, главнымъ образомъ, способность ихъ къ крестьянской работѣ, при которой родители смотрятъ на нихъ уже не какъ на учениковъ, особенно когда въ семьѣ ощущается недостатокъ въ рабочихъ рукахъ; а на 12 году вотскія дѣти въ нѣкоторыхъ трудахъ замѣняютъ уже взрослаго. Не мало выходитъ изъ школы преждевременно дѣтей тѣхъ родителей, которымъ кажется тяжело уплатить на содержаніе сторожа и на дрова отъ 50 к. до 1 р. Впрочемъ, мы должны сознаться, что и эта плата для несостоятельныхъ родителей не можетъ быть нечувствительной, особенно при нынѣшней дороговизнѣ хлѣба. Плата на содержаніе при училищѣ сторожа и на дрова въ два года выдавалась изъ мѣстнаго волостного правленія, когда на этотъ предметъ ассигновалась волостнымъ сходомъ извѣстная сумма. Такое распоряженіе волостной сходъ дѣлалъ въ тѣхъ видахъ, чтобы дать грамоту и дѣтямъ бѣдныхъ родителей, которые не въ состояніи уплатить денегъ на сторожа и отопленіе. Но нынѣ на упомянутые предметы никакихъ денегъ изъ волостного правленія не выдается, и обучать въ школѣ могутъ только тѣ, которые въ состояніи взносить плату на содержаніе сторожа и отопленіе школы; дѣти же бѣдныхъ родителей при всемъ своемъ желаніи учиться должны остаться безъ грамоты.

Жажда къ ученію у инородцевъ велика. Это видно и изъ того, что въ началѣ учебнаго года въ школѣ бываетъ каждый годъ около 90 человѣкъ, и лишь только начнутся сборы денегъ на содержаніе сторожа и отопленіе—дѣти бѣдныхъ родителей, во избѣжаніе взноса платы, оставляютъ школу немедленно.

Любя школу, вотскія дѣти посѣщаютъ ее исправно и задаваемые уроки по вечерамъ читаютъ охотно. Хотя родители ихъ при этомъ и требуютъ отъ дѣтей бѣглости чтенія, но учителемъ преслѣдуется главнымъ образомъ сознательность чтенія, чтобы ученикъ прочитанное понялъ и могъ бы передать о немъ своимъ языкомъ. Не упускаются при урокахъ изъ вниманія и краткія свѣдѣнія изъ естественной и русской исторіи. Но всѣ такія свѣдѣнія инородческими дѣтьми въ теченіе 3—4 лѣтъ пріобрѣтаются съ большимъ трудомъ и то лишь въ скудной мѣрѣ, такъ какъ они въ школу поступаютъ не знающими русскаго языка совершенно неразвитыми умственно подъ вліяніемъ сказокъ и миѳическихъ вѣрованій. Вѣрованія эти переходятъ къ нимъ отъ

взрослыхъ, своеобразно объясняющихъ видимыя явленія природы, занимающія дѣтскій умъ. Вотъ поэтому въ первые годы ученія ихъ главное вниманіе обращается на изученіе отечественнаго языка; при этомъ особенно много посвящается времени по предметамъ Закона Божія. Чтобы преуспѣть въ этихъ предметахъ, часто объяснительными чтеніями по русскому языку на урокахъ служатъ изложенныя въ учебникахъ статьи изъ священнаго писанія. Понятно, что при такихъ условіяхъ и усвоить знанія по введеннымъ учебникамъ какъ русскимъ дѣтямъ имъ немыслимо. Но какъ бы то ни было, а дѣти выносятъ изъ школы много полезныхъ для себя свѣдѣній, особенно такихъ, которыя служатъ къ изобличенію родителей ихъ въ заблужденіяхъ по части религіи. Вліяніе грамотности видно уже изъ того, что инородцы чрезъ 3—4 года послѣ открытія въ деревнѣ земской школы стали соблюдать посты; поминки по умершимъ предкамъ начали исправлять въ положенные для этого православною церковью дни; а прежде исправлялись они обыкновенно на послѣдней седмицѣ Великаго поста. По праздникамъ и воскресеньямъ работать перестали, даже постановили приговоръ, воспрещающій нарушеніе четвертой заповѣди. И женщины ихъ прежде считали за стыдъ помолиться послѣ трапезы; а въ праздничные дни въ село являлись онѣ лишь ради прогулки по базару. Нынѣ въ религіозномъ отношеніи онѣ поднялись на значительную ступень развитія, и многія изъ нихъ уже хорошо говорятъ по-русски. И въ одеждѣ, и въ домашнемъ быту ихъ соблюдается уже чистота и опрятность. Что же касается крестьянской жизни инородцевъ, напримѣръ по отношенію къ главной отрасли сельскаго хозяйства, то мы должны сознаться, что вліянія на нихъ школы, къ сожалѣнію, еще незамѣтно. Это объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что они: во 1-хъ, крѣпко привязаны къ старинѣ; во 2-хъ, еще недостаточно усвоили русскій языкъ, при которомъ полезныя книги читались бы ими съ понятіемъ, и въ 3-хъ, инородческая школа не много имѣетъ времени заниматься со своими учениками по предметамъ, служащимъ къ улучшенію крестьянскаго быта введеніемъ новыхъ системъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Да и не интересуютъ 10—12 лѣтнихъ дѣтей эти предметы. Другое дѣло, если гдѣ въ школахъ ведутся съ окончившимъ курсъ юношествомъ воскресныя занятія и вечернія бесѣды, особенно послѣднія. Онѣ, думаемъ, при

благоразумномъ и толковомъ веденіи дѣла приносятъ еще ту пользу, что отвлекаютъ парней отъ пагубнаго времяпрепровожденія на посидѣлкахъ въ баняхъ, которыя служатъ въ вотскихъ деревняхъ притонами разврата для парней и дѣвушекъ. Въ этомъ долженъ насъ убѣдить и слѣдующій случай. Когда въ первые годы существованія въ деревнѣ школы учителемъ практиковались вечернія занятія, тогда приходили въ школу не только парни, но и старики, и женщины. Но физическія силы и нѣкоторыя кабинетныя работы учителя не дозволили ему далѣе продолжать свои непосильныя занятія.

Задача народной школы состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы приготовить ребенка къ жизни временной и вѣчной. Но прежде всего школа даетъ ребенку если не необходимыя, то по крайней мѣрѣ полезныя свѣдѣнія, которыя могъ бы онъ приложить къ житейской практикѣ, чтобы эти свѣдѣнія облегчили ему самую жизнь, жизнь трудовую. Въ этомъ отношеніи между предметами занятій школы грамота занимаетъ первое мѣсто. Но въ то же время какъ грамота, такъ и другія свѣдѣнія, должны стремиться къ одной цѣли образованія, чтобы человѣкъ болѣе и болѣе уподоблялся своему Первообразу.

По мнѣнію простолюдина, въ грамотѣ заключается вся ученость человѣка, все его образованіе. Если сынъ простолюдина читаетъ и пишетъ хорошо, онъ говоритъ, что сынъ его ученъ, образованъ, а прочіе предметы для него не важны. Школа, конечно, какая бы ни была, не мыслитъ такъ. Матеріальное образованіе, хотя и дано слабое, удобнѣе совершается впослѣдствіи, чѣмъ формальное. Человѣкъ взрослыхъ лѣтъ можетъ восполнить недостатокъ своихъ познаній чрезъ самообразованіе. Но кто во время не научился мыслить, тотъ потомъ уже не научится. Кто испорченъ нравственно въ дѣтствѣ, того уже трудно исправить въ зрѣлости; вѣдь и дерево, искривленное смолоду, какъ говоритъ пословица, не выпрямишь. Слѣдовательно, дурныя наклонности надо пресѣкать въ самомъ началѣ жизни, т. е. въ дѣтствѣ.

У простолюдина нѣтъ гувернеровъ и гувернантокъ; иной и не понимаетъ, что такое воспитаніе. При грубыхъ нравахъ его и грубомъ складѣ жизни, и дѣти у него получаютъ грубое воспитаніе; отъ грубаго же воспитанія и человѣкъ дѣлается грубымъ.

Замѣчая за дитятей, видимъ, что оно все перенимаетъ отъ

взрослыхъ. Дѣлаетъ ли взрослый что хорошо или что дурно—для него безразлично, дѣлаетъ и оно то же, полагая, что надо дѣлать такъ и ему. Если отецъ золъ, и сынъ, по примѣру отца, злится. Обманываешь ли ребенка, и онъ будетъ обманывать, бьешь ли безвинно, и онъ будетъ бить; словомъ, всѣ поступки взрослыхъ, совершенные при ребенкѣ, служатъ уроками для него. Такъ поступаютъ обыкновенно наши простолюдины; такъ берутъ уроки отъ отцовъ и взрослыхъ дѣти ихъ. Оттого мужикъ и невѣжа, оттого и нравъ его крутъ; оттого, наконецъ, и пороки, преслѣдуемые законами.

Въ деревенскихъ школахъ не мало вредны и опасны для дѣтей посѣщенія школъ нетрезвыми мужиками, которые позволяютъ себѣ дѣлать иногда, во время классныхъ занятій, безобразія. Это, какъ извѣстно, весьма преслѣдовалось древними, а Солонъ, греческій законодатель, при входѣ въ дѣтскую школу въ Аѳинахъ приказалъ сдѣлать надпись: „не приближайся сюда никто нечистый". Вслѣдствіе такого закона, опредѣлялась смерть всякому, кто дерзалъ осквернить это святилище, гдѣ воспитывается ростокъ человѣчества. По той же причинѣ, у древнихъ персовъ воспитательные домы поставлялись вдали отъ рынковъ, чтобы дѣти, видя корыстолюбивый торгъ, не теряли благородныхъ стремленій.

Если въ этомъ отношеніи древніе опасались рынковъ, то какъ бы намъ надо опасаться кабаковъ, которые, къ величайшему прискорбію, видимъ нерѣдко въ близкомъ сосѣдствѣ съ училищемъ. Что создаетъ школа годами, то разрушаютъ они въ нѣсколько дней. Это видимъ нынѣ вездѣ и въ инородческихъ селеніяхъ, въ которыхъ, подъ вліяніемъ кабацкой культуры, нравы ожесточаются съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе. Это понимаютъ и сами инородцы и говорятъ, что если бы не было въ деревняхъ этихъ деморализующихъ учрежденій, то народъ характеромъ былъ бы далеко мягче. Но кабаки, какъ говорятъ крестьяне, даютъ имъ доходъ, напримѣръ селу Шаркану—2000 рублей, а Ляльшуру—100 руб. въ годъ, а не вдомекъ имъ, что доходъ кабаку приносятъ сами же крестьяне.

Между тѣмъ, какъ число привязанныхъ къ кабаку и дѣлающихся жертвами алкоголизма инородцевъ по духу времени возрастаетъ болѣе и болѣе, нѣкоторые обычаи языческаго культа переходятъ для нихъ въ область преданій. Нѣкоторые изъ нихъ

вытѣснены и Высочайшимъ повелѣніемъ 24 апрѣля 1890 г. Указомъ этимъ, какъ извѣстно, воспрещено вотякамъ вареніе кумышки, которая играла во всѣхъ обрядностяхъ ихъ существенную роль. Такимъ образомъ, со введеніемъ въ дѣйствіе названнаго указа, для вотяковъ въ нравственномъ отношеніи наступаетъ какъ бы новая эра, а съ наступленіемъ этой эры и потребность въ чтеніи книгъ замѣтно проявляется.

Они любятъ слушать чтеніе, но только въ томъ случаѣ, если читающій объясняетъ прочитанное на родномъ ихъ языкѣ. Гдѣ есть хорошій грамотей-инородецъ, обладающій русскимъ языкомъ въ совершенствѣ, тамъ около него собирается масса слушателей и слушательницъ. Особенно любятъ слушать чтеніе о загробномъ мірѣ и разсказы изъ св. писанія. Поэтому среди нихъ больше распространены книги св. писанія. Встрѣчаются въ числѣ книгъ ихъ и житія святыхъ, и о послѣднихъ временахъ міра. Въ одной деревнѣ привелось видѣть намъ и сочиненіе монаха Митрофана: „Какъ живутъ наши умершіе?“ Книга эта, выписанная состоятельнымъ вотякомъ-грамотеемъ, переходила изъ рукъ въ руки и, судя по нѣкоторымъ обтрепаннымъ листамъ, можно было заключить, что книга читалась часто и съ большимъ интересомъ. Само собою разумѣется, что при чтеніи книгъ нѣкоторыя образныя рѣчи и сами грамотеи понимаютъ въ буквальномъ смыслѣ. Что же касается распространяемыхъ среди нихъ книгъ на вотскомъ языкѣ, преимущественно религіозно-нравственнаго содержанія, то должно сказать, что книгъ этихъ инородцы не читаютъ и онѣ служатъ только игрушками для дѣтей. Да кто и будетъ читать и понимать ту книгу, которая, какъ составленная или переведенная безъ соблюденія грамматическихъ и фонетическихъ правилъ языка, не понятна, хотя въ то же время и понятны отдѣльныя слова. Можетъ быть, гдѣ онѣ и понятны; но понятны только въ тѣхъ районахъ, на нарѣчіе которыхъ переведены. Съ другой стороны, если принять въ соображеніе буквальный переводъ со славянскаго или русскаго на вотскій языкъ, то едва-ли и въ тѣхъ районахъ понятны. Къ тому же и слогъ книгъ очень тяжелъ, неудобенъ для чтенія.

Переводами книгъ на вотскій языкъ занимаются, какъ намъ извѣстно, грамотеи изъ инородцевъ; занимаются также и русскіе, не усвоившіе инородческаго языка въ той мѣрѣ, въ какой потребно переводчику знаніе этого языка. Переводы не достигаютъ

совершенства еще, какъ говорили мы выше, отъ буквальнаго перевода, при которомъ книга выходитъ непонятная, даже съ искаженіемъ смысла.

Распространеніемъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія на вотскомъ языкѣ преслѣдуется одна цѣль: поднять инородцевъ на ту ступень развитія въ христіанскомъ отношеніи, на которой стоятъ болѣе просвѣщенныя племена. Но этого при неудачныхъ переводахъ достигнуть нельзя.

Бороться съ современнымъ язычествомъ вотяковъ, какъ съ русскимъ расколомъ, трудно, ибо вотяки, хотя и называются христіанами и подъ вліяніемъ русскаго населенія, особенно грамотности, многое оставили изъ своихъ обычаевъ, но въ душѣ сохраняютъ привязанность къ религіи отцовъ, а мѣстами языческіе обычаи совершаются и теперь открыто и почти въ такой же силѣ, въ какой совершались они въ первыя времена обращенія ихъ въ христіанство. Особенно вотъ прозябаетъ въ язычествѣ въ трехъ уѣздахъ Вятской губерніи: Сарапульскомъ, Елабужскомъ и Малмыжскомъ, въ которыхъ и по сіе время есть настоящіе некрещеные язычники. Въ послѣднемъ изъ названныхъ уѣздовъ, въ селѣ Мултанѣ, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ и слухамъ, 4 мая 1892 года принесена даже *человѣческая жертва*. Объ этомъ каннибализмѣ газета „Биржевыя Вѣдомости“ [1]) говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Село Старый Мултанъ, въ которомъ это жертвоприношеніе имѣло мѣсто, прежде всего далеко не какая нибудь далекая, далекая глушь. Оно, представьте, расположено всего-то въ какихъ нибудь 200 верстахъ отъ университетской Казани. И населено оно прихожанами мѣстной церкви, я хочу сказать—говоритъ корреспондентъ названной газеты—православными христіанами. И были такими же христіанами и отцы этихъ вотяковъ-жертвоприносителей, и дѣды ихъ, и прадѣды.... Было это въ голодную годину. Старомултановцы переживали тяжкое время. Село голодало, въ селѣ свирѣпствовалъ тифъ, къ селу приближалась холера. Населеніе, что называется, просто изнемогало подъ бременемъ несчастья. Разумѣется, оно молило о милосердіи; но кого и гдѣ? Увы, читатель, не Бога Единаго и не въ церкви своей, а какихъ-то языческихъ боговъ и въ шалашѣ. Но не внимали боги ихъ мольбамъ, не внимали, не смотря на то, что ихъ ста-

[1]) См. № 347, 1894 г.

рались умилостивить и принесеніемъ въ жертву мелкихъ животныхъ. И вдругъ... откровеніе. Одному изъ крестьянъ приснилось, что для избавленія населенія отъ голода и болѣзней надо принести одному изъ боговъ—богу Курбону [1]) двуногую, т. е. человѣческую жертву. И повѣдалъ объ этомъ своемъ снѣ крестьянинъ на сельскомъ сходѣ. И обрадовались „православные“. Наконецъ-то они узнали, что нужно богамъ! Оставалось только намѣтить жертву. И она была намѣчена. Въ селѣ проживалъ нищій крестьянинъ изъ сосѣдняго уѣзда, и его-то, этого нищаго, и рѣшено было принести въ жертву. И принесли. Это было 4 мая 1892 г. Несчастный нищій, крестьянинъ Матюшинъ, былъ заведенъ въ мірской шалашъ, служившій, между прочимъ, и мѣстомъ для моленія богамъ, и здѣсь его раздѣли, подвѣсили за ноги къ потолку и затѣмъ посредствомъ множества уколовъ тѣла у живого выпустили всю кровь, которую молящіеся тутъ же сварили и съѣли. Съѣли они также въ честь бога Курбона легкія и сердце жертвы, отрубили ей голову и самый трупъ выбросили на дорогу. И участвовали въ этомъ жертвоприношеніи пятнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ: сельскій староста, сотскій и... церковный староста села Мултанъ. Впрочемъ, и нѣкоторые другіе изъ этихъ жертвоприносителей были въ одно и то же время „басясяйй“ (идолопоклонническими жрецами) [2]) и усердными прихожанами мѣстной православной церкви“.

Остатки языческой религіи современныхъ вотяковъ на сколько любимы ими, на столько же они и шатки, и сбивчивы. Поэтому и обряды жертвоприношеній совершаются не вездѣ одинаково. Но опять таки нужно сказать, что порядокъ изложенія мыслей въ молитвахъ вездѣ одинаковъ. Это наталкиваетъ насъ на мысль, что въ старину у нихъ былъ установленъ одинъ по-

[1]) Курбонъ едва ли названіе одного изъ боговъ вотской миѳологіи. Вѣрнѣе, подъ этимъ словомъ должно разумѣть животное, которое приносится въ жертву. Укапскіе вотяки Глазовскаго уѣзда ядѣніе жертвы называютъ *курбонъ-карони* или *курбонъ-сётони*—жертвоприношеніе, отданіе въ жертву заклапнаго животнаго. У Сосновскихъ вотяковъ, Сарапульскаго уѣзда, такое названіе (курбонъ) присвоено жертвоприношенію въ случаѣ какого нибудь несчастія, напримѣръ нездоровья. По отзывамъ же многихъ, оказывается, что курбономъ называется самая жертва, которая приносится злѣйшему божеству, напримѣръ Акташу или Якташу, равнозначащему индійскому Якху (санскр. yakcha). *Авт.*

[2]) Слово это—историческое. Оно должно слышаться у вотяковъ *вёсясь* (жрецъ), отъ *вёсь*—жертвоприношеніе или *вёсяны* -принести жертву.

рядокъ богослуженія. На сколько еще коснѣютъ вотяки-христіане въ язычествѣ, можно видѣть изъ того, что и нынѣ у мужчинъ и женщинъ встрѣчаются языческія имена, которыми нарекали и нарекаютъ новорожденныхъ младенцевъ исполняющія обязанности повитухъ старухи. Вотъ нѣсколько такихъ именъ, записанныхъ намп въ Шаркапскомъ приходѣ:

Аби́	Бере́дь	Жагдзи́	Кельда́нъ
Адна́шъ	Бигра́	Жаго́нъ	Кельма́нъ
Айтэмы́шъ	Бикеня́	Жаго́нь	Кельмеке́й
Акба́й	Бимы́ръ	Жо́ла́	Кельмырза́
Акма́нъ	Бирза́	Зайнъ	Кеме́й
Аксябе́й	Битэ	Замы́ръ	Кизьна́
Акы́ръ	Бола́	Зачи́нъ	Коды́ръ
Алы́шъ	Ботё	Зёли́	Коза́
Анда́шъ	Ботолё	Зумья́	Кокля́
Анья́	Боты́	Зыла́нь	Кокы́ръ
Анякей	Бодья́	Зяба́	Коми́
Апаке́й	Бони́	Зянке́й	Конды́
Апи́чъ	Бони́	Зянтуга́нъ	Конка́
Апья́	Бугданъ	Зянту́шъ	Коска́
Асё	Быги́	Зятча́	Котёкъ
Атабе́й	Вамья́	Ибра́й	Куачаръ
Ате́й	Васё	Ипа́ръ	Куда́й
Атлама́шъ	Вортча́	Итэшъ	Кудюръ
Ачабе́й	Ворья́нъ	Ишкинэй	Куклинъ
Байбе́къ	Воты́	Йылке́й	Кула́къ
Байка́нъ	Габи́	Каба́нъ	Культо́
Байке́й	Гордъё	Каке́й	Кусо́
Байкузи́нъ	Далко́	Какся́	Кути́
Байме́тъ	Джикъя́	Кали́	Кучыба́шъ
Байсче́тъ	Дзюмья́	Кама́й	Кучы́къ
Баки́	Дзятча́	Кама́шъ	Кушало́къ
Баля́	Дёкъя́	Камзе́й	Кушсо́
Бато́нъ	Дурга́	Кара́	Кушья́
Бега́шъ	Дыблёнъ	Каркы́	Кызи́
Бекба́й	Дыпё	Квашы́	Кызмеке́й
Бекта́	Дэлё	Кедзё	Кызъи́
Бектамы́шъ	Ерó	Кейсы́	Кызы́къ
Бекту́лъ	Ести́	Келе́й	Кыкви́

Кына́ Пета́ Тукми́ Чупа́нь
Кынъи́ Пешьи́ Тукта́ръ Чура́
Ладъ Пиля́шъ Тулунбе́й Чучи́
Лепша́ Пирди́ Тумига́ Чучиба́шъ
Лозо́ Писэ Тумъ Чучубе́й
Ломлэзь Пичи́ Турьи́ Чучы́
Лукша́ Позэ Туктабе́й Чучыбе́й
Люкмы́ Поска́ Туты́ Чушъ
Мадя́ръ Почё Уди́ Шадбе́къ
Маля́ Пёбъя́ Удья́ Шадъё
Мама́тъ Пурга́ Уза́нь Шадэ
Марзя́нъ Пызёй Узя́ Шадэй
Мартунъ Разъя́ Улитка́ Шакта́
Мася́ Саля́ Уля́ Шакты́
Ме́кей Салья́ Урга́ Шама́й
Меме́тъ Санья́ Урма́нъ Шарпе́й
Мира́ Сёма́ Урсо́ Шаты́къ
Можга́ Сесьты́ръ Утча́ Шегъя́нъ
Мокай Съёдзи́ Ушма́нъ Шукме́тъ
Моко́ Ситóкъ Чабъя́ Шушóкъ
Мошки́нъ Сурма́ Чага́ Эбга́
Мёнья́ Сэдэй Чачабе́й Эгра́
Мувы́ръ Сюлзя́нъ Чезе́й Эрке́шъ
Мудо́ Сюра́ Чёка́ Эрма́къ
Мудурсы́ Сяськабе́й Чекéръ Эсэ
Мукши́ Саська́нъ Чёла́ Эсэнэй
Мырза́ Тамтатура́ Чесла́ Эшке́й
Наши́ Ташья́ Чече́ Эшма́къ
Нёко́ Тёпи́ Чибе́й Эшме́тъ
Нёшо́ Тёро́ Чипья́ Эшмурза́
Ньыньы́къ Тётё Чубы́къ Юра́
Ожме́гъ Торо́ Чудна́ Юрта́й
Опóчъ Тугбе́й Чудъя́ Яги́
Оркéй Тугéй Чужéгъ Ядыга́ръ
Пашу́ръ Туги́ Чуйя́ Янабе́й
Пельга́ Туйме́ть Чумóй Янчабе́й
Пекóлъ Тукли́ Чумья́ Яркипе́й

Быть можетъ, въ такихъ именахъ заключается нѣсколько и христіанскихъ именъ, произносимыхъ на вотскій ладъ. Есть,

несомнѣнно, въ числѣ ихъ 2—3 и названія неодушевленныхъ предметовъ, напримѣръ: культо (снопъ), кабанъ (хлѣбная скирда). Такія имена даны новорожденнымъ по случаю появленія ихъ въ сей міръ въ одно время съ названными предметами, т. е. во время уборки съ полей хлѣбовъ. Въ основѣ такого обычая лежитъ то понятіе, что такъ какъ человѣкъ появился въ одно время съ появленіемъ сноповъ и скирдъ, то и должны носить одно имя, что, быть можетъ, въ этихъ словахъ заключается счастье новорожденнаго. Подобный обычай соблюдается и у мордвы.

Имена такія даются новорожденнымъ, повторяемъ, старухами (гогыясь, гогы-мумы) и преимущественно въ первой банѣ, потому и называются они банными именами (мынчо-нимъ), въ отличіе отъ христіанскихъ. Случается нерѣдко, что даютъ бабушки и христіанскія имена; но объ этомъ при крещеніи младенцевъ православному священнику не объявляютъ, и священникъ нарекаетъ другое имя. Такимъ образомъ, инородцы эти во всю жизнь носятъ два имени—христіанское и банное, и ихъ обыкновенно зовутъ банными именами, а христіанскія, какъ второстепенныя, служатъ только для оффиціальныхъ бумагъ.

Всѣ религіозные обряды языческаго культа у современныхъ вотяковъ названной мѣстности раздѣляются на двѣ категоріи: на *частные* или семейные, совершаемые отдѣльными семьями, и *общественные*, исполняемые всѣмъ селеніемъ, а иногда и нѣсколькими соединенными селеніями. Они опять имѣютъ свои подраздѣленія, о чемъ сказано нами въ прежде-изданныхъ книгахъ.

Мѣстомъ исполненія семейнаго религіознаго обряда служитъ преимущественно *куала*, въ которой хранится особенно чтимый ящикъ *воршудъ-куды*. Обряды общественнаго жертвоприношенія совершаются въ поляхъ и лѣсахъ, особенно въ послѣднихъ. Въ нѣкоторыхъ изъ болѣе скрытыхъ мѣстъ, какъ говорятъ нѣкоторые, воображаемыя божества галлюцинатамъ-жрецамъ представляются въ образѣ человѣка и животныхъ, о чемъ существуютъ у нихъ и разсказы. Но разсказы эти служатъ достояніемъ болѣе только самихъ вотяковъ, а иноплеменники слышатъ ихъ мало. Только дѣти ихъ, по свойственной имъ простотѣ и откровенности, при случаѣ разсказываютъ кому бы то ни было охотно; что же касается жрецовъ, то они тайну видѣній божествъ въ галлюцинаціи, равно и обрядовъ жертвоприношенія въ скры-

ныхъ мѣстахъ охраняютъ зорко. И своимъ единоплеменникамъ, не особенно приверженнымъ къ обычаямъ предковъ, сообщать кое что считаютъ какъ бы преступленіемъ, влекущимъ за собою кару божествъ. И совершаются самые обряды тайно въ лѣсахъ, гдѣ присутствовать женскому полу положительно воспрещается. Мы не говоримъ о всѣхъ вообще жертвоприношеніяхъ, а только о нѣкоторыхъ изъ нихъ. При иныхъ участвуютъ всѣ вообще, не только свои обоего пола, но и посторонніе, даже иноплеменники, напримѣръ на праздникѣ Гуждоръ [1]). Въ данную минуту мы говоримъ о скрытныхъ мѣстахъ жертвоприношеній, гдѣ обряды совершаются, повторяемъ, тайно только нѣсколькими домохозяевами, преимущественно пропитанными до мозга костей суемудріемъ и суевѣріемъ. Высмотрѣть жертвоприношеніе въ подобныхъ мѣстахъ или совершенно невозможно, или весьма трудно. Въ такихъ мѣстахъ молелень, равно какъ и во всѣхъ священныхъ мѣстахъ, воспрещается срубить какое бы то ни было деревцо, подъ опасеніемъ жестокой кары обитающихъ въ нихъ боговъ или духовъ. Понятно, что деревья въ подобныхъ лѣсахъ остаются нетронутыми во все время существованія деревни, которой принадлежитъ священный лѣсъ. Изъ этого изъемлются только такія деревья, которыя обрекаются огню въ видѣ дровъ на варку жертвы. Чтобы деревья въ мѣстахъ молелень оставались нетронутыми, жрецы распускаютъ слухи, что тѣ изъ мужиковъ, которые пользовались принадлежащими священному мѣсту деревьями, наказывались смертью, а нѣкоторые поражались слѣпотой или коростой. Естественно, что разсказы подобнаго рода поселяютъ въ самихъ ихъ страхъ и безусловное повиновеніе наставленіямъ жрецовъ. Даже русскіе, вращающіеся среди и около инородцевъ, не позволяютъ себѣ ни срубить деревцо, ни глумиться надъ священнымъ мѣстомъ инородцевъ. Они же, русскіе, убѣждены, что въ подобныхъ скрытныхъ мѣстахъ молелень обитаютъ бѣсы, которые и привлекаютъ туда жрецовъ для поклоненія себѣ. Впрочемъ, нельзя русскимъ мужикамъ и заключать иначе, ибо мѣста вотскихъ молелень внушаютъ имъ страхъ. Но чувствуютъ ли такой страхъ сами жрецы—для насъ остается еще неизвѣстнымъ. Что же касается женщинъ инородцевъ, то для нихъ мѣста молелень въ лѣсахъ служатъ предметами страха и, по представленіяхъ вотячекъ, они наполнены духами

[1]) См. «Вотяки Сосновскаго края». 1886 г., стр 37—42.

зла. Въ одномъ изъ подобныхъ мѣстъ жертвоприношеній вотяковъ деревни И...., Сосновскаго прихода, по словамъ вотячки деревни Ильшура Ефимьи Емельяновой, жрецы, зашедши въ огородъ мѣста жертвоприношеній, прежде всего дѣлаютъ въ сторону боготворимаго предмета по поясному поклону и протягиваютъ въ пустой воздухъ руки, какъ бы здороваясь. Если слова вышеупомянутой вотячки основательны, то несомнѣнно, что воображаемыя божества такого мѣста жертвоприношенія жрецамъ представляются въ образѣ человѣка, или же они присутствіе его постигаютъ какими нибудь чувствами. Иначе они не протягивали бы рукъ въ пустой воздухъ. Несомнѣнно, по словамъ нѣкоторыхъ, и то, что жрецы заставляютъ силой вкусить идоложертвенное каждаго, зашедшаго въ мѣсто жертвоприношенія. Такъ заставили вкусить и дьячка села Шаркана Стефана Тукмачева (уже умершаго), когда онъ случайно попалъ въ мѣсто жертвоприношенія во время исполненія обряда. Но на сколько справедливы разсказы передавшихъ о всемъ этомъ намъ лицъ, мы не беремся доказывать предъ лицомъ того общества инородцевъ, которыхъ касается наша статья.

Одни изъ священныхъ мѣстъ находятся въ каждомъ изъ трехъ полей (озимое, яровое, паръ) и называются *бусы бӧсь* — мѣстами напольныхъ жертвоприношеній. Другія, болѣе скрытныя, находятся вдали отъ деревни. Но главныя находятся преимущественно на горахъ, откуда даль видѣется верстъ на 10 кругомъ. Мѣста молелень избирались стариками на горахъ, по отзывамъ ихъ, потому, что на горахъ даль видѣется кругомъ, какъ на ладони, и все это при созерцаніи окружающаго болѣе располагаетъ къ исполненію религіозныхъ обрядовъ. На горахъ же избирались и избираются мѣста жертвоприношеній и вслѣдствіе какихъ нибудь несчастій. Такъ, напримѣръ, выбрано священное мѣсто Дзёзо [1]), что въ трехъ верстахъ отъ села Шаркана. Избирались мѣста молелень и другимъ, случайнымъ образомъ, подобно тому, какъ было выбрано за селомъ Поломомъ, Глазовскаго уѣзда [2]).

Выбирались такія мѣста еще ворожеями (тупачй, тупо, тупась). О нихъ мы будемъ говорить ниже, а теперь познакомимъ читателя съ разсказомъ вотяка поч. Николаевскаго (Вадя-

[1]) См. «Вотяки Сосновскаго края», стр. 93—94.

[2]) См. «Вотяки Сосновскаго края», стр. 92—95.

рова) Козьмы Степанова Чазова. По словамъ его, нынѣ существующее мѣсто жертвоприношенія въ полѣ ихъ, подъ названіемъ *Тёпы-вёсь*, избрано ворожеей Улей, слѣдующимъ образомъ. Это было около 1812 года, когда на названномъ мѣстѣ жертвоприношеній еще не бывало. Время стояло ненастное. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, безпрерывно нѣсколько сутокъ, такъ что нельзя было выходить изъ домовъ. Въ это время пріѣхалъ въ деревню названный выше ворожея Уля на бурой лошади и собралъ мужиковъ. И объявилъ онъ мужикамъ, что имъ нужно выбрать мѣсто для жертвоприношеній. Мужики согласились и онъ, сѣвши на свою лошадь, сказалъ ей: „гдѣ надо молиться *Му-Кылчину* (богу или духу земли), остановись тамъ". Сказавши это, онъ выпустилъ изъ рукъ поводья узды. За нимъ пошли и мужики. Лошадь привела его на мѣсто *Курокъ-нюкъ*. Зашла она въ лѣсъ и остановилась, какъ вкопанная, подъ одной елью.— „Здѣсь вы должны приносить жертву Му-Кылчину",—сказалъ Уля. Затѣмъ онъ опять обратился къ своей лошади и сказалъ ей: „повернись по солнцу и остановись подъ той елью, подъ которой слѣдуетъ приносить жертву *Инмару* (Верховному существу)". Конь повернулся и остановился подъ стоящей рядомъ елью.—„А здѣсь"—сказалъ ворожея—„надо приносить жертву Инмару". Третій разъ приказалъ онъ лошади остановиться подъ третьей елью, подъ которой слѣдуетъ приносить жертву *Гудырь-мума* (матери громовъ). Конь остановился подъ третьей елью.— „На этомъ мѣстѣ", заключилъ ворожея, „надо приносить жертву Гудырь-мума". Такъ онъ выбралъ мѣста жертвоприношеній тремъ божествамъ. Выбравши эти мѣста, ворожея назначилъ трехъ жрецовъ, по числу выбранныхъ мѣстъ, и велѣлъ имъ приносить каждогодно Му-Кылчину бычка и телку черныхъ, Инмару жеребчика и кобылицу соловыхъ, а Гудырь-мума—одного барана. Въ тотъ же день всѣмъ селеніемъ пріобрѣли названныхъ животныхъ и принесли ихъ въ жертву подъ выбранными деревьями. Дождь лить пересталъ. Вотъ съ тѣхъ поръ на этомъ мѣстѣ и приносятся жертвы каждый годъ подъ тремя отдѣльными елями одновременно. Названіе Тёпи-вёсь дано мѣсту жертвоприношеній отъ слѣдующаго за Улей ворожеи Тёпи, который тоже велѣлъ приносить жертвы на этомъ мѣстѣ, когда спросили его,— не выбрать ли де другое мѣсто?

Ворожея Уля открываетъ или избираетъ мѣста жертвопри-

ношеній, какъ говорятъ, еще при помощи особаго талисмана вороженія *югѣзь* [1]). Такъ, напримѣръ, онъ открылъ вотякамъ деревни Ляльпура *Вылынлудъ* [2])—одно изъ особенно чтимыхъ тремя селеніями мѣсто жертвоприношеній. На немъ приносятся жертвы особенно во время бездождія среди лѣта, однажды въ годъ. Въ такое время была принесена жертва и лѣтомъ 1893 г., когда послѣ посѣва яровыхъ хлѣбовъ дождя не было долго. День жертвоприношенія вотяками на названномъ мѣстѣ совпалъ со днемъ выпаденія ожидаемаго дождя. Дождя послѣ долговременныхъ жаровъ обѣщала и наступившая въ воздухѣ влажность, и висящія надъ полями облака, и другіе признаки, по которымъ наблюдательный земледѣлецъ самъ безъ ошибокъ могъ еще наканунѣ предсказать дождь. Даже знаменитый календарь Брюса показывалъ склонность къ дождю. Но вотяки въ тотъ же день заговорили, что дождь пошелъ по молитвамъ ихъ, что его они вызвали жертвами.

Всѣ мѣста жертвоприношеній, о которыхъ мы сейчасъ говорили, не могутъ быть названы капищами, такъ какъ въ нихъ никакихъ зданій, предназначенныхъ для языческаго богослуженія нѣтъ, и, слѣдовательно, въ нихъ никакой посуды не находится. Вся жертва приносится подъ деревомъ и посуда послѣ ядѣнія жертвы уносится обратно. Подобныя мѣста жертвоприношеній встрѣчаются вездѣ въ лѣсахъ; равно есть онѣ и въ поляхъ, гдѣ стоитъ группа деревъ—елей. Въ нихъ приносятся жертвы иногда и отдѣльными домохозяевами. Но есть и огороженныя мѣста, и настоящіе языческіе храмы, это—бревенчатые шалаши, называемые *Будзимъ ква* или просто *Куа*, только въ нихъ, кажется, нѣтъ никакихъ идоловъ.

Нѣкоторыя изъ огороженныхъ мѣстъ называются *Керметь* и *Лудъ-кенеръ*. Послѣднее названіе преимущественно, между прочимъ, вотяками дер. Ляльпура, Шаркапскаго прихода, одному изъ священныхъ мѣстъ. Представьте себѣ лужайку среди лѣска и на краю его огородъ квадратной формы со стоящимъ въ лѣвомъ углу восточной стороны толстымъ обрубкомъ дерева—вотъ вамъ и Лудъ-кенеръ. Среди ограды устроено нѣчто въ родѣ очага, вѣроятно, для варки жертвы и сожиганія частей ея. По бокамъ

---

[1]) Югезь представляется чѣмъ-то въ родѣ монеты изъ драгоцѣннаго металла.

[2]) См. «Вотяки Сарапульскаго уѣзда», 1889 г., стр. 83.

очага вбиты два кола и на нихъ утверждена перекладина изъ жердочки. На перекладинѣ этой, должно полагать, виситъ котелъ, когда варится въ немъ жертва. Отрубокъ ничѣмъ не отличается отъ улья для содержанія пчелъ, и если бы незнающій обычевъ вотяковъ увидѣлъ его первый разъ, случайно, то принялъ бы за улей. Въ отрубкѣ этомъ, съ пустотой внутри, говорятъ, хранится вся посуда, употребляемая при жертвоприношеніи. Быть можетъ, здѣсь имѣются и вещи, символизирующія воображаемое божество, но это пока остается неизвѣстнымъ.

Бревенчатыя капища носятъ названія, какъ говорили мы выше, Будзямъ-ква и ква. Они не имѣютъ ни оконъ, ни другихъ какихъ бы то ни было отверстій въ стѣнахъ и въ крышѣ, кромѣ двери для входа. Что находится внутри такихъ капищъ и вообще какое внутреннее убранство ихъ, остается еще неизвѣстнымъ, такъ какъ проникнуть въ одно изъ капищъ, открытое нами случайно, во время искапія грибовъ въ священныхъ лѣсахъ вотяковъ дер. Ляльшура, не удалось. Они запираются не обыкновенными металлическими (внутренними или висячими) замками, а какими то особенными деревянными, которые придѣланы къ дверямъ съ внутренней стороны ихъ. Такіе замки отпираются и запираются крюкообразными длинными ключами; а ключи хранятся спрятанными тутъ же въ лѣсу, гдѣ нибудь въ дуплахъ полыхъ деревъ. И отпереть ихъ ключами, не зная секрета, по отзывамъ самихъ инородцевъ, нельзя.

Чтобы познакомить читателя съ расположеніемъ всѣхъ общественныхъ мѣстъ жертвоприношеній и бревенчатыхъ капищъ, мы сдѣлаемъ набросокъ чертежа, снятаго съ мѣстности вотяковъ деревни Ляльшура, Шаркапскаго прихода, Сарапульскаго уѣзда.

(См. чертежъ на оборотѣ стр.).

Условные знаки

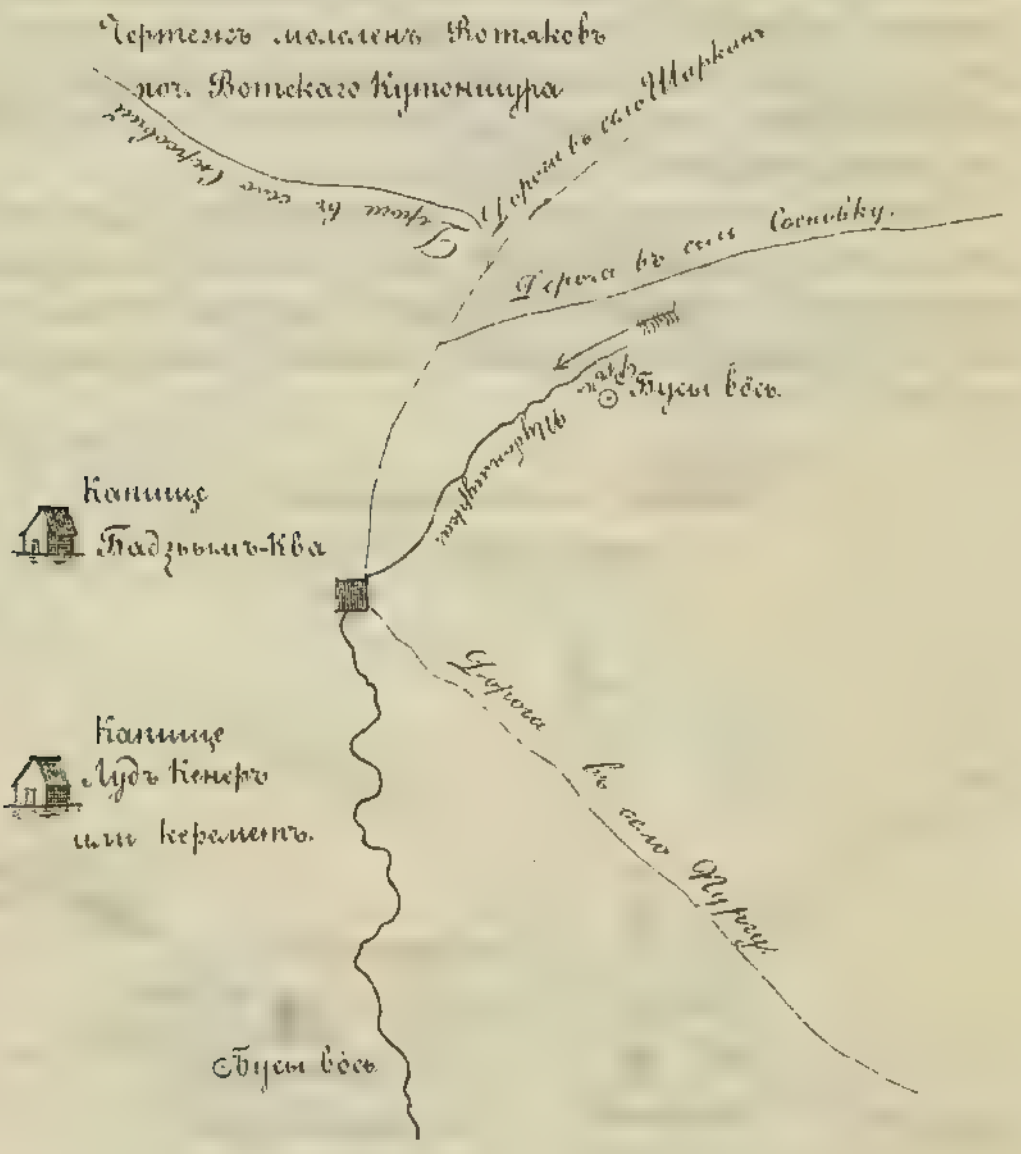
- Деревня
- Будзимъ-Ква, срубленное капище.
- Бусы-вось—место капельныхъ жертвоприношений.
- Лудъ Кенеръ—место скрытыхъ жертвоприношений.
- Вылынцудъ—место жертвоприношений, совершаемыхъ нѣсколькими селеніями.

Изъ прилагаемаго чертежа видимъ, что во владѣніи вотяковъ дер. Ильшура находятся, между прочимъ, два капища Будзимъ-ква и три одинакихъ мѣста жертвоприношеній Бусы вось. Число ихъ одинъ старикъ объяснилъ тѣмъ, что у нихъ,

Ляльшурскихъ, система сѣвооборота трехпольная (озимое, яровое, паръ) и въ каждомъ изъ этихъ трехъ полей обитаетъ особый духъ-покровитель, котораго прежде называли *Лудъ*. Но бываетъ такихъ мѣстъ жертвоприношеній и по два, какъ, напримѣръ, у вотяковъ села Чумоя и поч. Вотскаго Кутоншура, Сосновскаго прихода. За то у нихъ на мѣстѣ Лудъ-кенеръ существуетъ бревенчатое капище, тогда какъ у Ляльшурскихъ вмѣсто капища или шалаша квадратное огороженное мѣсто.

Здѣсь, для ознакомленія съ расположеніемъ главныхъ капищъ и мѣстъ молелень Чумойскихъ и Вотско-кутоншурскихъ и для сравненія съ такими капищами и другими мѣстами молелень Ляльшурскихъ, помѣстимъ подобные вышеприведенному чертежи.

Главныя жертвоприношенія въ этихъ священныхъ мѣстахъ вотяки села Чумоя совершаютъ весною и осенью.



Что же касается двухъ капищъ Будзимъ-ква, имѣющихся у вотяковъ дер. Ляльшура, то число ихъ объясняется тѣмъ, что жители названной деревни считаютъ себя потомками двухъ родоначальниковъ, называемыхъ *Бо́ня* и *Пупья*, которые при исполненіи своихъ религіозныхъ обрядовъ стояли съ вѣтвями различныхъ деревъ, именно одинъ держалъ въ рукѣ березовую вѣтку, а другой—пихтовую. Если же жители одной деревни свой родъ счи-

таютъ, напримѣръ, отъ трехъ родоначальниковъ, то и капищъ должно быть три. Но такой обычай нынѣ соблюдается только кое гдѣ. Случается, что въ одной деревнѣ живутъ потомки трехъ и болѣе родоначальниковъ, а капище Будзимъ-ква одно; оно принадлежитъ бо́льшему числу потомковъ одного родоначальника, а принадлежащіе другому родоначальнику своего не имѣютъ. Такое неимѣніе объясняется малочисленностью ихъ, которые или не въ силахъ сдѣлать капище въ честь своего родоначальника, или не считаютъ нужнымъ имѣть его; ибо, если число ихъ небольшое, то и исполнять обряды не стоитъ и некому. Вмѣсто капища Будзимъ-ква они имѣютъ каждый въ своемъ дворѣ особое зданіе, ква, гдѣ хранится чтимый ящикъ семейнаго бога Воршуда, покровителя семейства. Впрочемъ, это зданіе съ боготворимымъ ящикомъ имѣютъ и прочіе, приписанные къ общимъ капищамъ и крѣпко придерживающіеся старыхъ обычаевъ. Среди нихъ имѣются и такіе, что совершенно не участвуютъ ни въ какихъ обрядахъ жертвоприношеній. И въ деревнѣ Ляльшурѣ, кромѣ потомковъ Бо́ня и Пупъя, живутъ два дома Уля, совершенно не участвующіе въ жертвоприношеніяхъ ни въ одномъ изъ капищъ Будзимъ-ква, какъ потомки другого родоначальника. У нихъ нѣтъ даже Воршуда и, говорятъ, они не участвуютъ ни въ какихъ общественныхъ жертвоприношеніяхъ, только исполняютъ нѣкоторые семейные обряды. По разсказамъ потомковъ Бо́ня и Пупъя, они—выходцы изъ рѣки Ыбыть-вожа, притока Чепцы. При переселеніи ихъ на новое мѣсто одна старушка произнесла на нихъ проклятіе, чтобы-де имъ больше двухъ домовъ не бывать. Въ общественныхъ жертвоприношеніяхъ они не стали участвовать и не имѣютъ воршудовъ въ надеждѣ, что въ одной христіанской вѣрѣ размножатся. О нихъ существуетъ еще другого рода сказаніе, услышанное нами отъ вотяка дер. Ляльшура, Алексѣя Антонова. Прежде, по словамъ разсказчика, отцы и дѣды ихъ жили очень богато и вели хлѣбосольство съ купцами и начальниками, такъ что, смотря на житье ихъ, всякъ имъ завидовалъ. Если, бывало, пріѣдетъ къ нимъ хорошій человѣкъ, всегда остановится у нихъ въ надеждѣ найти и теплый пріютъ, и радушный пріемъ, и хорошее угощеніе. Но вотъ мало по малу они стали скупиться и начали гостей принимать не совсѣмъ охотно. Но гости все таки заѣзжали къ нимъ. Когда и скупость не помогла, они задумали отвадить гостей отъ привычки заѣзжать

къ нимъ чародѣйствомъ. Однажды, когда гости сидѣли за столомъ, они поставили среди ограды столбъ, и на столбъ положили каравай хлѣба. Одинъ изъ членовъ семьи ушелъ за уголъ надворнаго зданія и выстрѣлилъ оттуда въ хлѣбъ изъ ружья. Въ эту минуту какъ сами они, такъ равно и гости ихъ, и сосѣди увидѣли вылетающими изъ окопъ избы трехъ бѣлыхъ лебедей. Лебеди эти, вылетѣвши изъ избы ихъ, улетѣли на Вылынлудъ, гдѣ теперь совершается жертвоприношеніе по случаю бездождія. Съ тѣхъ поръ Уля стала жить бѣдно и никто къ нимъ не сталъ приставать. По мнѣнію вотяковъ, Уля выстрѣломъ изъ ружья въ хлѣбъ выгнала свое счастье, которое и ушло отъ нихъ навсегда въ видѣ улетѣвшихъ трехъ лебедей на Вылынлудъ, около котораго хлѣбъ родится. Отсюда проистекаетъ такое толкованіе. Такъ какъ Уля не участвуетъ въ общественныхъ жертвоприношеніяхъ на священномъ мѣстѣ Вылынлудъ, то и счастья у нихъ нѣтъ; выгнанное выстрѣломъ изъ ружья счастье они должны искать на Вылынлудѣ, участвуя въ жертвоприношеніяхъ тамъ тремъ богамъ: Му-Кылчину, Инмару и Гудыри-Мума, по числу трехъ лебедей. Но они, разъ отставши отъ своихъ однодеревенцевъ въ обрядахъ ихъ, уже къ нимъ не пристанутъ.

Таковы воззрѣнія вотяковъ на не исполняющихъ обычаевъ предковъ на общественныхъ мѣстахъ жертвоприношеній, равно и на не имѣющихъ ворцудовъ.

Но что такое Ворцудъ? Ворцудъ это семейное родовое божество, о которомъ мы говорили уже въ прежнихъ нашихъ статьяхъ. Онъ обитаетъ, по мнѣнію полуязычника вотяка, въ домовомъ капищѣ, называемомъ *куала* или просто *куа*. Послѣднее названіе вѣрнѣе, такъ какъ поставлено въ прямомъ падежѣ, а въ первомъ заключается послѣловіе *ла*, соотвѣтствующее русскому *въ* (Ма со? куа. Кытцы мынодь? Куала. Что это? шалашъ. Куда пойдешь? въ шалашъ). Вотякъ, приверженный къ религіи предковъ, не можетъ не имѣть куалы (для благозвучія и мы назовемъ куалой). Въ куалѣ этой, по представленію его, присутствуетъ или обитаетъ невидимо названное божество. Обиталищемъ его служитъ почернѣвшій отъ времени и дыма ящикъ или просто лубяная коробка, называемая *ворцудъ-куды*, съ содержащимися въ немъ нѣсколькими монетами [1]). Подъ ящикомъ все-

[1]) Въ коробкѣ у одного вотяка дер. Вишура, Сосновскаго прихода, мы видѣли булку и какую-то тряпку.

гда находятся древесныя вѣтви, которыя мѣняются каждый годъ въ Петровки (29 іюня) на обрядѣ *Куала-пыронъ*, а старыя сожигаются въ огнищѣ куалы. Ящикъ помѣщается на полкѣ устроенной вдоль передней стѣны. Среди куалы пѣчто въ родѣ очага, гдѣ дымится костеръ во время варки жертвы и приготовленія кушаній. Какъ жертва, такъ и кушанья изъ щей и каши варятся въ котлѣ, который виситъ надъ очагомъ на палкѣ съ зарубками. Когда что нужно приготовить скорѣе, котелъ спускается на нижнюю зарубку, ближе къ огню, а если время терпитъ, то поднимаютъ его выше, чтобы варилось исподволь. Куала находится у домохозяина-вотяка среди двора, ближе къ избѣ, и не имѣетъ, кромѣ двери, никакихъ окопъ. Нижняя площадка куалы ничѣмъ не выстлается, равно въ ней нѣтъ и потолка. Снаружи и внутри этого языческаго домового капища нѣкоторые устраиваютъ полки и на нихъ прикрѣпляютъ посредствомъ гвоздей берестяныя коробочки, чтобы привлечь ласточекъ, любимыхъ вотяками птичекъ, которыя и гнѣздятся въ приготовленныхъ коробочкахъ. Почему такъ особенно любимы вотяками ласточки, мы узнаемъ изъ слѣдующаго сказанія.

„Въ древности былъ на землѣ страшный змѣй, питавшійся кровью животныхъ. Однажды онъ послалъ комара по свѣту пробовать кровь у всѣхъ животныхъ; а должно замѣтить, говоритъ сказаніе, что языкъ у комара въ то время былъ длиннѣе, чѣмъ нынѣ. Комаръ, постранствовавши по свѣту, прилетѣлъ къ змѣю.

— Ну, комаръ, скажи, чья кровь слаще? спрашиваетъ змѣй.

— Кровь лошади слаще,—отвѣчаетъ комаръ.

— Ступай, еще пробуй кровь у всѣхъ животныхъ,—посылаетъ змѣй.

Комаръ улетѣлъ.

Черезъ нѣсколько времени прилетаетъ это ничтожное насѣкомое къ змѣю и начинаетъ говорить, что кровь человѣческая слаще крови всѣхъ животныхъ на землѣ.

Комаръ не докончилъ рѣчи. Вдругъ прилетѣла ласточка и оторвала комару языкъ, чтобы онъ не говорилъ на гибель людямъ. Комаръ полетѣлъ и запищалъ. Змѣй разсердился на ласточку и взялъ ее за хвостъ. Но ласточка, вырвавшись изъ рукъ змѣя, оставила въ рукахъ его средину хвоста. И остался хвостъ у ласточки навсегда въ такомъ видѣ, каковъ нынѣ есть".

Это сказаніе напоминаетъ сказаніе татаръ Минусинскаго

округа (въ Сибири), которые ласточку называютъ спасительницей человѣческаго рода. Она спасла, говорятъ татары (качинскіе), человѣка отъ огромнаго комара, который могъ истребить много людей, равно спасла и отъ самого Анны (діавола), который посылалъ уже муху и комара испытать вкусъ человѣческой крови. Хвостъ у ласточки раздвоилъ большой комаръ. Однажды Анна послалъ комара полетать по землѣ и развѣдать, чья кровь слаще. Комаръ развѣдалъ и полетѣлъ къ Аннѣ. На встрѣчу ему летѣла ласточка и спросила его о томъ, откуда онъ и что дѣлалъ. Комаръ разсказалъ о порученіи отъ Анны и о томъ, что ему болѣе всего понравилась человѣческая кровь и что онъ, комаръ, на языкѣ своемъ несетъ ее къ Аннѣ! Ласточка попросила комара показать ей кровь. И вотъ, когда комаръ выставилъ языкъ съ человѣческой кровью, ласточка оторвала его. Вотъ почему у ласточки хвостъ раздвоенный. Когда комаръ прилетѣлъ къ Аннѣ, тотъ сталъ спрашивать, а комаръ безъ языка только пищикаетъ—ничего не могъ отвѣтить. Анна разсердился на комара и, взявши палку, разбилъ его на мелкія части. Вотъ и полетѣли комары во всѣ стороны, мелкіе комары, которые жужжатъ лѣтомъ по сіе время.

Полагаемъ, что въ древности ласточка вотяками боготворилась какъ, напримѣръ, египтянами ибисъ, за убой котораго опредѣлялась смерть.

Теперь понятно, почему такъ любятъ вотяки этихъ птичекъ и стараются привлекать ихъ къ домовому капищу.

Боготворимый ящикъ въ куалѣ остается до тѣхъ поръ, пока существуетъ послѣдняя. Какимъ образомъ это родовое божество раздѣляется между отдѣлившимися братьями, намъ еще не извѣстно, такъ какъ, говорятъ, обряды при этомъ совершаются скрытнымъ образомъ. О порядкѣ же переноса части родового счастія изъ куалы отца въ куалы сына, когда послѣдній уходитъ отъ отца въ раздѣлъ, мы знаемъ изъ описаннаго обычая вотяковъ Завьяловскаго прихода [1]; что же касается переноса самого ящика домохозяина изъ старой куалы въ новую, то онъ мѣстами переносится, какъ говорятъ, съ особеннымъ торжествомъ, при звонахъ колокольцовъ. А въ случаѣ переселенія въ другую деревню, названный ящикъ хозяиномъ перевозится въ экипажѣ подъ пологомъ, которымъ прикрывается самъ хозяинъ.

[1]) См. «Вотяки Сарапульскаго уѣзда», 1889 г., стр. 92—93.

При перемѣщеніи на новое мѣсто жительства, въ свою очередь, и женщины соблюдаютъ своего рода обычай. Когда сложено въ экипажъ все имущество, на старомъ мѣстѣ растворяется въ квашнѣ изъ овсяной муки тѣсто для лепешокъ *табань* и, не давая ему вскиснуть, перевозятъ квашню съ тѣстомъ на новое мѣсто жительства.

Воршуды являлись галлюцинатамъ въ различныхъ видахъ. Особенное вниманіе въ научномъ отношеніи должно обратить на разсказъ „явленіе воршудовъ“, услышанный нами въ селѣ Завьяловѣ [1]).

По разсказу Ивана Макарова Стрѣлкова, въ дер. Шегъянѣ, Шаркапскаго прихода, сестра его во время игры съ подружками у куалы видѣла воршуда въ видѣ сѣдого старика, но необыкновенно малаго роста, именно—не выше семилѣтняго ребенка. Онъ, посмотрѣвши на дѣвушку, исчезъ.

Вотякъ дер. Быги, Шаркапскаго прихода, Александръ Матвѣевъ, по словамъ вышеупомянутаго же Стрѣлкова, пожелалъ сожечь имѣющійся въ куалѣ его воршудъ. Быть можетъ, онъ самъ не рѣшился бы, но мѣстный священникъ понастоялъ на этомъ, говоря, что нехорошо ему, христіанину, имѣть такіе боготворимые единоплеменникамп его предметы. Александръ Матвѣевъ возражалъ, что обычай имѣть воршудовъ освященъ уже временемъ, что отъ такихъ обычаевъ отказаться нельзя. Наконецъ священникъ всетаки убѣдилъ Матвѣева, и онъ рѣшился сожечь ящикъ. Взялъ его съ полки и положилъ на огонь. Когда ящикъ запылалъ, оттуда *послышался визгъ и наконецъ все смолкло*.

Подобнымъ же образомъ былъ сожженъ воршудъ и священникомъ села Шаркана Аникимовымъ въ куалѣ вотяка дер. Сюрсовая (нынѣ село), Ларіона Никитина, но на мѣстѣ его появился новый воршудъ [2]).

Воршуды въ нѣкоторыхъ селеніяхъ уже истреблены и куалы служатъ только мѣстомъ для варки кушаній. А до изданія Высочайшаго повелѣнія отъ 27 апрѣля 1890 г. въ нихъ варили по зимамъ и кумышку.

Другое за Воршудомъ божество *Инву* [3]), богъ дождя, ожи-

[1]) См. «Вотяки Сарапульскаго уѣзда», 1889 г., стр. 175—176.

[2]) См. «Вотяки Сосновскаго края», 1886 г., стр. 212—214.

[3]) Божество это—одно изъ древнѣйшихъ и напоминаетъ индійское божество Вишну, которому приписывались такія же свойства.

вляющій я поддерживающій природу своими благами, благорасположенный къ людямъ. Его имени посвящено бревенчатое капище Вудзимъ-ква, о которомъ мы имѣли уже случай говорить. Главныя жертвы обществомъ ему приносятся два раза въ году—весной и лѣтомъ. Обрядъ жертвоприношенія, по словамъ нѣкоторыхъ изъ инородцевъ, таковъ. У двери капища настилаются свѣжія древесныя вѣтви (елевыя или пихтовыя) и приводится туда обреченное на жертву животное. Помощникъ жреца, *парчась*, встаетъ по правую сторону животного съ ковшомъ воды въ рукѣ и обливаетъ водой всю поверхность его спины, начиная съ головы и оканчивая хвостомъ. Это обливаніе повторяется до трехъ разъ. Облившн такимъ образомъ животное и повалившн его на правый бокъ, закалываютъ. Затѣмъ, снявши шкуру и выпотрошивши, изрубаютъ въ куски и кладутъ въ отдѣльное мѣсто слѣдующія части: *три ребра* (урдъ) отъ праваго бока, половину *сердца* (сюлэмъ), часть *грудины* (мёля), часть *правой ноги* (пыдъ) и часть *кишки* (сюмбыръ), всего пять штукъ, составляющихъ главную часть жертвы *вылэ-мычень*. Чтобы части эти не перемѣшались съ неглавными частями, сквозь проткнутыя ножомъ отверстія въ нихъ продѣваются мочалки, съ которыми и варятъ въ общемъ котлѣ. Между тѣмъ какъ помощники варятъ приготовленную жертву, жрецы, взявши въ правыя руки по древесной вѣткѣ, начинаютъ молиться, обратившись лицомъ къ переднему углу капища. Прежде всего они говорятъ: остэ, остэ, Инвуэ (или, для благозвучія, Инэвуэ). Далѣе, молитва ихъ въ переводѣ на русскій языкъ гласитъ такъ: „Молимся тебѣ, Инву, приносимъ жертву за всѣхъ, пришедшихъ къ капище. Дай намъ жизнь счастливую.... Избави отъ несчастія.... Пошли дождя на землю.... Покрывай поля росою“. Кромѣ Инву, въ молитвѣ упоминается Инмаръ, къ которому болѣе обращаются объ избавленіи отъ несчастія. Во время такой молитвы женщины угощаютъ ихъ пивомъ (прежде вмѣсто пива употреблялась кумышка). Жрецъ, принявши въ руку стакашъ съ пивомъ, отливаетъ нѣсколько капель на огонь, при чемъ говоритъ просительныя слова, съ которыми адресуется къ воображаемому божеству. Во время исполненія этого обряда, предписываемаго культомъ, предъ жрецомъ лежатъ на скатертяхъ блины и хлѣбъ и все, что принесено на жертвоприношеніе. Когда такимъ образомъ моленіе за всѣхъ будетъ кончено, съѣдается жертва вылэмычень съ соблюденіемъ

особыхъ обрядовъ и сожиганіемъ частей жертвы. Въ заключеніе мы должны сказать, что подробности культа названнаго божества еще неизвѣстны. Въ этомъ же шалашѣ приносилась вотяками деревни Ляльшура какая-то жертва и почью въ ноябрѣ 1892 года, когда свирѣпствовала въ этой деревнѣ горячка. Здѣсь же совершается и обрядъ бракосочетанія по обычаю предковъ, называемый *Выль вӧсь* [1]). Но обычай этотъ исполняется нынѣ, по словамъ нѣкоторыхъ инородцевъ, только въ болѣе глухихъ мѣстахъ.

Затѣмъ третье божество, богъ зла—*Керемѣтъ*, усвоенный отъ Черемисовъ. Слово это происходитъ отъ черемисскаго *керемъ*—веревка (веревка во-вотски *гозы*). Объ этомъ миѳическомъ существѣ у черемисовъ существуютъ различныя сказанія. Одно изъ такихъ сказаній, между прочимъ, говоритъ слѣдующее.

Былъ преступникъ, занимавшійся злодѣяніями. Надѣлавши много зла, онъ, наконецъ, попался въ руки правосудія и былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Ему надѣли на шею петлю изъ веревки (керемъ) и хотѣли уже поднять на висѣлицу. Но какимъ то образомъ онъ сорвался съ петли и бросился въ воду съ веревкой на шеѣ. Вотъ съ тѣхъ поръ духъ его сталъ блуждать вездѣ и мстить черемисамъ, а отъ нихъ пошелъ и къ вотякамъ. Жертвы этому богу или духу зла вотяки стали приносить съ тѣхъ поръ, какъ судьба столкнула ихъ съ черемисами въ бассейнѣ Волги. Современными вотяками жертвы ему приносятся всѣмъ селеніемъ раза три въ годъ: весной, лѣтомъ, осенью. Мѣстомъ жертвоприношенія ему въ дер. Ляльшурѣ служитъ описанный нами Лудкенеръ. Слово это происходитъ отъ *лудъ*—названіе одного изъ древнѣйшихъ божествъ или духовъ поля. Этотъ духъ, говорятъ, мѣстами почитается и нынѣ; а *кенеръ* значитъ огородъ или прясла. Тамъ, гдѣ культъ Луда, бога поля, уже забытъ, имя его обратилось въ названіе поля, хотя и существуетъ для этого въ вотскомъ языкѣ другое слово *бусы*. Такимъ образомъ, лудъ и бусы мѣстами имѣютъ одно значеніе.

Обряды жертвоприношенія Керемету совершаются скрытнымъ образомъ, безъ участія женщинъ, преимущественно старикамі. Всѣ, пришедшіе на жертвоприношеніе, въ оградѣ стоятъ безъ шапокъ.

---

[1]) См. «Вотяки Сарапульскаго уѣзда». 1889 г., стр. 106—108.

Въ Глазовскомъ уѣздѣ слово керемет обратилось почти вездѣ въ бранное значеніе, и потому можно заключить, что жертвы названному духу зла тамъ уже не приносятся; если же гдѣ и приносятся, то только кое-гдѣ и то не цѣлымъ селеніемъ, а отдѣльными домохозяевами. Вообще въ Глазовскомъ уѣздѣ вотяки забыли уже многое изъ культа прежней языческой религіи; а нѣкоторые, такъ сказать, выродились совершенно, напримѣръ жители деревень: Сибирской и Абаевской, Юрской волости, которые ничѣмъ не отличаются отъ окружающихъ ихъ великорусскихъ племенъ, такъ что языкъ вотскій имъ уже чуждъ. О вотскомъ происхожденіи своихъ предковъ они знаютъ только по преданію.

Вотяки отъ черемисовъ, вмѣстѣ съ божествами ихъ, усвоили и слова; равно и черемисы отъ вотяковъ позаимствовали для своего алфавита не мало словъ. Вотъ нѣсколько равнозначущихъ словъ, встрѣчающихся въ языкахъ черемисскомъ и вотскомъ:

Слова черемисскія:	*Слова вотскія:*
Ака́й—старшая сестра	Ака́, апа́
Алиша́—меринъ	Улошо́
Араба́—телѣга	Уробо́
Арла́нъ—кротъ	Арла́нъ—крыса
Арня́—недѣля	Арня́
Во́чко—кадца	Вычкы́
Вюръ—кровь	Виръ
Идымъ—гумно	Итымъ
Йо́ра—язва, струпъ	Яра́
Йорга́—иноходецъ	Юрго́
Каба́нъ—скирда хлѣба	Каба́нъ
Ла́лыкъ—народъ	Калы́къ
Кидъ—рука	Ки
Кобшта́—капуста	Кубиста́
Коя́—жирный	Кой
Куку́—кукушка	Кикы́
Кылта́—снопъ	Культо́
Кюръ—лубъ	Куръ
Лумъ—снѣгъ	Лымы́
Ма́мыкъ—пухъ	Мамы́къ
Мо́кмуръ—похмелье	Макмы́ръ
Моча́—баня	Мунчо́

Мундэръ—подушка	Миндэръ
Мюкшъ—пчела	Мушъ
Нэръ—носъ	Ныръ
Окса—деньги	Уксё
Орьянъ—кислое молоко	Арьянъ
Пятыръ—герой	Батыръ
Печке́—бочка	Бекче́
Пушъ—лодка	Пыжъ
Пычалъ—ружье	Питчалъ
Пю—зубъ	Пинь
Сюрха́—серпъ	Сюрло́
Сулукъ—грѣхъ	Саолыкъ
Тарза́—красивый, здоровый	Таза́
Тау́—благодарю	Та́у
Той—латунь	Тун
Туйсъ—буракъ	Туйысъ
Тулъ—огонь	Тылъ
Тушма́нъ—врагъ	Тушмонъ
Тылзе—лупа	Толызь
Тэркэ—блюдо	Тэркы
Тюсъ—образъ, подобіе	Тусъ
Ула́—подвода	Улóвъ
Уна́—гость	Куно́
Уста́—мастеръ	Усто́
Ушме́нъ—рѣдька	Кушма́нъ
Чанга́—галка	Чана́
Чебе́рь—красивый	Чебе́ръ
Че́тлыкъ—клѣтка	Четлы́къ
Чи́рикъ—четверть фунта	Чериыкъ
Ша́никъ—вилы	Саны́къ
Ше́рмышъ—узда	Серме́тъ
Шога́нъ—лукъ	Суго́нъ
Шонъ—жила	Сонъ
Шуръ—рогъ	Сюръ
Ыштыръ—онуча	Итыръ
Эмь—лѣкарство	Эмъ
Эрыкъ—воля	Эры́къ
Юксы—лебедь	Юсь
Ятыръ—довольно	Ятыръ

Нѣкоторыя изъ этихъ словъ встрѣчаются и въ татарскомъ языкѣ, напримѣръ алаша, арба, ярлянъ, калыкъ, мамыкъ, мендэръ, батыръ (у черемисовъ патыръ), тау. Но правила рѣчи у этихъ двухъ народностей различны.

Акташъ или *Якташъ* -божество злѣйшее, враждебное людямъ чудовище. Жертва ему приносится скрытнымъ образомъ, болѣе въ глухомъ лѣсу и преимущественно вслѣдствіе тяжкой болѣзни кого нибудь изъ семейныхъ, или же по случаю эпидеміи, и самое жертвоприношеніе совершается, какъ говорятъ, ночью, безъ участія женщинъ. Потому и культъ этого божества еще неизвѣстенъ. Божество это одно изъ древнѣйшихъ вотскихъ божествъ и напоминаетъ индійскаго Якха.

Другое, усвоенное отъ черемисовъ божество *Черъ*—духъ, посылающій болѣзни. Самое названіе божества взято отъ черемисскаго слова *черъ*, что значитъ болѣзнь. И въ вотскомъ языкѣ для означенія болѣзни иногда употребляютъ это слово, хотя для этого и существуетъ особое вотское слово *висёнъ*. Этому богу болѣзни приносится жертва въ случаѣ эпидеміи и эпизоотіи. Если приносится жертва въ людскихъ болѣзняхъ, то, говорятъ, закалывается утка, а въ скотскихъ конь. Но послѣдняя жертва, вслѣдствіе отвращенія молодыхъ къ конинѣ, нынѣ замѣняется, говорятъ, первой.

Кромѣ Чера, олицетворяется вотяками еще горячка и называютъ ее *Кыль*. Но, кажется, жертвъ этому олицетворяемому существу не приносится и, слѣдовательно, оно къ божествамъ не причисляется, его замѣняетъ Черъ. Объ этомъ миѳологическомъ существѣ въ дер. Шегъянѣ, Шарканскаго прихода, мы слышали такой разсказъ. Въ названной деревнѣ была горячка. Сначала захворали въ нѣкоторыхъ домахъ, а потомъ болѣзнь начала распространяться вездѣ. Одинъ шегъянецъ, Тимоѳей Даниловъ, слыхалъ прежде, что болѣзнь кыль ходитъ въ человѣческомъ образѣ, и что если привязать къ дверямъ избы злую собаку, то она болѣзнь въ избу не пуститъ. Вѣря этому крѣпко, Даниловъ привязалъ къ дверямъ избы свою злую собаку и сталъ наблюдать по ночамъ, не придетъ ли де Кыль? а окна къ ночи затворялъ, благословясь, со словами: „о́стэ, Инмарэ!“ Черезъ двѣ, три ночи Кыль пришла и начала стучаться, чтобы пустили ее въ избу. Но собака, увидѣвши ее, стала лаять сильно и рваться къ ней, чтобы укусить. Черезъ минуту, другую Кыль пришла

подъ окно и говоритъ: „счастливъ хозяинъ, что привязалъ къ дверямъ собаку! Изъ-за нея остались въ семьѣ живыми". Такъ избавилось семейство отъ болѣзни—заключилъ разсказчикъ и дополнилъ, что сосѣди перехворали всѣ, и умерло людей не мало.

Затѣмъ, не менѣе, а другіе едвали не болѣе обращаютъ на себя вниманіе другія божества и духи. Вотъ они.

Нюлэсмуртъ—фавнъ или духъ лѣсовъ. Слово происходитъ отъ *нюлэсъ*—лѣсъ и *муртъ*—особа, живое существо. Кромѣ сего, онъ называется еще различными именами: *Нюлэснюня*, *Сикмуртъ*, *Юэтбече*... Жертва ему приносится, какъ и Кереметъ, всѣмъ селеніемъ, три раза въ годъ и, кажется, въ одно время съ Кереметомъ. Кромѣ общей, приносимой всѣмъ селеніемъ жертвы, приносятъ ему еще частныя жертвы отдѣльные домохозяева изъ звѣролововъ, пчеловодовъ и проч., кто по своимъ занятіямъ не можетъ не ходить въ лѣсахъ. По укоренившемуся мнѣнію народа, въ завѣдываніи названнаго существа всѣ звѣри и птицы лѣсныя, равно и пчелы. Это же мифическое существо считается еще богомъ вѣтровъ и представляется въ различныхъ видахъ и ростахъ; болѣе же всего его представляютъ старикомъ, сѣдымъ, какъ лунь, огромной вышины. О немъ существуетъ въ устной словесности народа множество разсказовъ, которые, равно какъ и разсказы о другихъ мифическихъ существахъ, будутъ изложены нами въ отдѣльной книгѣ.

Му-Кылчйнъ—духъ или богъ земли. Жертва ему приносится въ періодъ времени между 25 марта и 14 сентября, когда, по мнѣнію инородцевъ, этотъ духъ находится на поверхности земли. Съ 14 сентября по 15 марта онъ, говорятъ, пребываетъ въ нѣдрахъ земля. Въ жертву ему приносятъ въ особо избранныхъ мѣстахъ животныхъ и стряпню (настряпанное кушанье вродѣ пирожковъ и ватрушекъ). Жертва и стряпня съѣдаются самими приносителями, только кости, въ видѣ жертвы, зарываются въ землю,—по пословицѣ: на тебѣ, боже, что мнѣ не гоже.

Мушург-утыись — хранитель источниковъ, протекающихъ подъ почвой. Слово составилось изъ трехъ: *му*—полоса, земля, *шург*—рѣчка и *утыись* -хранитель. Жертва ему приносится въ одно время съ жертвоприношеніемъ предыдущему существу, при чемъ, говорятъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зажигается восковая свѣчка.

Межа утыись—духъ, хранитель межъ и полосъ. Это суще-

ство представляется въ бѣломъ одѣяніи, съ бородой, прогуливающимся по межамъ и охраняющимъ засѣянныя поля отъ насѣкомыхъ и птицъ.

По разсказу вотяка дер. Ляльшура, Михаила Поликарпова, въ дер. Тыловаѣ (нынѣ село) Мануилъ Васильевъ лѣтомъ 1888 г. видѣлъ жену Межа-утьыся. Случилось, по словамъ разсказчика, идти Васильеву по межѣ своей полосы и вдругъ за своей спиной онъ услышалъ плачъ грудного ребенка. Это заставило его оглянуться. Но ни взади, ни около себя по бокамъ онъ не увидалъ никого. И пошелъ онъ опять по той же межѣ, думая, что гдѣ нибудь де въ сосѣдствѣ ходитъ женщина съ грудянымъ ребенкомъ. А солнце сіяетъ ярко-преярко. Надъ головой щебечетъ жаворонокъ. Хлѣбъ волнуется, какъ море. Вдругъ встрѣчается съ нимъ женщина въ одеждѣ бѣлой, какъ снѣгъ, и говоритъ ему сурово: „когда идешь по межѣ, долженъ издавать какіе нибудь звуки—кашлять или пѣть пѣсни. Ты шелъ по межѣ, какъ будто нѣтъ тебя, и ступилъ на ножку моему ребенку. Въ слѣдующій разъ такъ не дѣлай". Сказавши это, женщина стала невидима. Это жена Межа-утьыся, заключилъ Мануилъ Васильевъ.

Гудыри-мума мать громовъ. Богинѣ этой приносятъ жертвы весной и лѣтомъ въ одно время съ жертвой, приносимой слѣдующей богинѣ (Шунды-мума). Въ молитвахъ Гудыри-мума просятъ, чтобы лѣтомъ не было грозъ, особенно градовыхъ тучъ.

Шунды-мума—мать солнца. Жертва приносится, какъ говорили выше, въ одно время съ жертвой богинѣ Гудыри-мума, на священномъ мѣстѣ Бусы-вóсь и Будзимъ-ква. Богиню эту просятъ, чтобы въ теченіе лѣта солнце бросало на растительность благотворные лучи.

Всѣ описанныя здѣсь божества—главнѣйшія. О нихъ мы говорили уже въ прежде изданныхъ статьяхъ. Здѣсь повторяемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ только по необходимости, при дополнительныхъ свѣдѣніяхъ о нихъ. Кромѣ нихъ, существуетъ еще не мало духовъ или боговъ, добрыхъ и злыхъ, равно и героевъ сказаній, равно и божествъ, причисляемыхъ къ забытымъ. Вновь собранный матеріалъ о такихъ божествахъ и герояхъ мы намѣрены изложить въ особой статьѣ.

Въ настоящее время къ числу забытыхъ вотяками, напримѣръ д. Ляльшура, божествамъ причисляются *Курни*, *Сири*, *Лумъ*. Первому, по словамъ Поликарпа Козьмина, приносили въ жертву

его предки гусей. Мѣстомъ жертвоприношенія служила обыкновенно избранная для этого гора. Въ молитвѣ просили, чтобы вода съ горъ бѣжала въ другую сторону, а не въ свои поля, чтобы водой не смывало поля. Сири жертву приносили въ логу. Лумъ соотвѣтствовалъ почти Акташу, но съ тѣмъ только различіемъ, что первый представляется въ южной сторонѣ, подобно тому, какъ Якташъ представляется въ западной сторонѣ. Нынѣ слово лумъ обратилось въ названіе страны свѣта, юга, и употребляется слитно съ послѣсловіемъ *палъ* и *бытъ* (лумпалъ—южная сторона, лумбытъ—цѣлый день). Нынѣ для наименованія страны свѣта, юга, болѣе употребительно слово *нуназпалъ* (полуденная страна), а для означенія цѣлаго дня введено слово *нуналбытъ* (цѣлый день=лумбытъ).

Теперь кстати познакомимся съ общими правилами, относящимися къ культу почитаемыхъ божествъ или духовъ. Правила эти таковы: 1) женщинамъ безъ головныхъ уборовъ, символизирующихъ переходъ въ разрядъ пожилыхъ, и кальсоновъ на жертвоприношеніе не ходить; 2) женщинамъ не колоть животныхъ и не заниматься стряпней по варкѣ жертвы; 3) въ шалаѣ куа, посвященномъ семейному божеству Воршуду, ни женщинамъ, ни дѣвушкамъ передъ яицкомъ воршудъ-куды взадъ и впередъ не переходить; 4) если жертва приносится Пюлэмурту, Керемету, Черу и прочимъ богамъ или духамъ, усвоеннымъ отъ другихъ народностей, женскому полу ея не ѣсть; 5) гдѣ позволяется присутствовать женскому полу, туда ходить онѣ должны въ чистой одеждѣ; 6) женщинамъ и дѣвушкамъ во время регулъ на жертвоприношеніе не ходить; 7) въ день жертвоприношенія никакими работами не заниматься, а соблюдать совершенный покой; 8) мужчинамъ, особенно жрецамъ, на жертвоприношеніи быть въ бѣлыхъ понткахъ и лаптяхъ; опоясаться они должны ремнями; 9) въ жертву божествамъ, кромѣ Чера, и душамъ умершихъ приносить не ѣзжалаго коня, а жеребенка, и 10) жрецамъ, стоящимъ или сидящимъ въ молитвенной позѣ, быть въ шапкахъ и имѣть въ рукахъ древесныя вѣтви. Вмѣсто обыкновенныхъ повседневныхъ шапокъ недавно и въ деревнѣ Ляльшурѣ жрецы во время жертвоприношеній стояли въ особыхъ конусообразныхъ колпакахъ—*восяськонъ-ызьы*. Вотякъ дер. Ляльшура, Михаилъ Юртаевъ, этотъ колпакъ назвалъ *калбтомъ*.

Всѣ вышеизложенныя правила, предписанныя культомъ,

исполняются въ каждой вотской деревнѣ, гдѣ привязаны еще къ обычаямъ предковъ.

Теперь поговоримъ и о жрецахъ. Жрецы вотскіе, исполняя свои обязанности слѣпо, по одной привязанности къ старой языческой религіи, не отказываются иногда и отъ исполненія христіанскаго долга, т. е. и они исповѣдуются и причащаются. Но этотъ долгъ ими исполняется болѣе по понужденію мѣстнаго духовенства и гражданскихъ властей, во исполненіе гражданскихъ законовъ. Болѣе же всего они исполняютъ этотъ долгъ изъ страха, чтобы мѣстное духовенство не лишило, въ случаѣ внезапной смерти, погребенія и тѣмъ не подвергнуло бы умершаго полицейскому осмотру, особенно анатомированію. Признавая таинства одной формальностью, они при жизни не считаютъ нужнымъ исповѣдываться и причащаться Св. Таинъ, и если кто и исполняетъ этотъ долгъ чрезъ годъ или два или еще рѣже, то, повторяемъ, дѣлаетъ это по побужденію мѣстнаго духовенства и гражданскаго начальства. Не мало между ними и совершенно не исполняющихъ этого долга. Свою старую (языческую) религію они считаютъ выше христіанской потому, что предки ихъ, исполняя старые обычаи, жили счастливо, при всѣхъ достаткахъ. Въ прежнія времена, говорятъ они, люди (вотяки) хлѣба сѣяли не много, а было его довольно, что на одномъ стебелькѣ росли сплошной массой отъ корня до вершины колосья, и хлѣбъ этотъ, не имѣя понятія о серпѣ, жали ножами, говоря: гдѣ срѣзать стебелекъ, чтобы не остался колосокъ? Когда у нихъ хлѣба было довольно, пекли его пластинками и на этихъ пластинкахъ и спали. Но пришло время и Богъ не сталъ давать хлѣба.

Сказаніе объ этомъ на вотскомъ языкѣ вотякъ дер. Ляльшура, Оаддей Васильевъ, передалъ намъ такъ:

„Вазе́нъ ю кизё вылэмъ кукчёэнъ копаса́. Со ю пото́зъ вылэмъ выжыысеныз-икъ шепъ. Няньзы́ тырозъ-дырья́, таба́нькадь пыжыса́, улазы́ валёзы вылэмъ. Кышномуртлэнъ пиналы́зъ сытя́мъ. Со сытьсэ ненокытцы́-но поныны́ ёрме́тъ. Тыньсо́ кышному́ртъ понэмъ со сытьсэ пилемъ-пулсы́ (соку́ пиле́мъ лапе́гъ ветлэ вылэмъ). Инмарлэнъ йыры́зъ ку́ръ луэмъ-но, джутске́мъ; няньзэно сьёра́зъ джутэ вылэмъ. Адямилэнъ пуныэзъ вылэмъ; со пуны́ гинэ вузыса́ куре́мъ—„мыны́мъ люке́тъ коть сётъ шуэмъ“. Инма́ръ сётэмъ пунылы́ люке́мъ. Сойнъ-икъ асьме́съ-но улыско́мы

пунылэнъ курéмъ пяпéнъ; сойнъ-икъ юмылэшъ шепéзъ пуй кылъ кузя".

Вотяки любятъ держать собакъ, и во время нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ, напримѣръ поминокъ и жертвоприношеній душамъ умершихъ, собаки пользуются особенной, лучшей пищей: имъ, между прочимъ, даютъ широкія лепешки, *табань*, намазанная кислымъ молокомъ или саломъ. Но не однѣ собаки, и другія животныя, особенно птицы, пользуются уваженіемъ, и потому убить ихъ считается грѣхомъ. Такъ, напримѣръ, не дозволяется убивать и стрѣлять изъ ружей лебедей, ласточекъ и проч. А о домашнемъ пѣтухѣ говорятъ, что онъ возвѣщаетъ людямъ наступленіе дня и пѣніемъ своимъ отгоняетъ отъ людскихъ жилищъ шайтановъ, которые ходятъ около людей, когда тёмъ [1]) пеймышъ (темно).

Жрецы вотскіе раздѣляются на временныхъ и постоянныхъ. Подъ первыми должно разумѣть тѣхъ, которые избираются только на время, по жребію, для предназначеннаго жертвоприношенія. Такіе жрецы по окончаніи жертвоприношенія и всѣхъ связанныхъ съ нимъ обрядовъ слагаютъ съ себя званіе жреца. Постоянными мы называемъ такихъ, которые служатъ жрецами при шалашѣ куа или другомъ священномъ мѣстѣ постоянно, напримѣръ куа-попъ при капищѣ Будзимъ ква. Пока онъ живъ, его должность никто не занимаетъ и общество на мѣсто его другого не выбираетъ, и такимъ образомъ жрецомъ онъ служитъ до смерти. По за службу кромѣ одного угощенія, кажется, ничего не получаетъ. Изъ этого изъемлются, впрочемъ, только случаи частнаго жертвоприношенія, когда онъ получаетъ отъ обращающихся къ нему нѣкоторые подарки. Получаемые ими подарки ни что иное, какъ только полотенцы, рубахи или что нибудь въ этомъ родѣ; болѣе же полотенцы, которыми дарятъ молодушки за жертвоприношеніе о счастьѣ въ брачномъ сожительствѣ, напримѣръ, за жертвоприношеніе на обрядѣ *Выль вöсь* [2]). Подобные жрецы крѣпко привязаны къ религіи предковъ и всемѣрно защищаютъ ее, говоря, что исполнять старые обычаи есть священная обязанность. Впрочемъ, жертвоприношенія, связанныя съ именами нѣкоторыхъ злѣйшихъ божествъ, напримѣръ Керемета, осуждаютъ изъ не очень привязанныхъ къ обы-

[1]) Санскр. tama.

[2]) См. «Вотяки Сарапульскаго уѣзда». 1889 г., стр. 106—108.

чаямъ предковъ сами; обращаются же къ нимъ единственно изъ страха, чтобы эти духи не навредили имъ чѣмъ нибудь. Принимая, вѣроятно, связанныя съ именами ихъ жертвоприношенія за демонопоклоненіе, тайну обрядовъ охраняютъ зорко. Вотъ поэтому, если спросить ихъ о подобныхъ жертвоприношеніяхъ, они отвѣчаютъ однимъ молчаніемъ или скажутъ только: „на что тебѣ это знать?“.

Кромѣ жертвоприношеній въ священныхъ лѣсахъ, есть и другіе обычаи, тайну которыхъ охраняютъ зорко. Если, напримѣръ, появилась на людяхъ какая нибудь повальная болѣзнь, нѣсколько человѣкъ домохозяевъ, собравшись тайно, чтобы не зналъ никто и изъ своихъ семейныхъ и не привязанныхъ къ старымъ обычаямъ, заказываютъ женѣ котораго нибудь изъ приверженныхъ къ старинѣ испечь нѣсколько штукъ яичныхъ блиновъ и собираютъ скрытнымъ образомъ въ бутылку кумышки или водки; затѣмъ берутъ живую курицу и въ самую полночь, когда въ деревнѣ воцарится тишина, идутъ за околицу въ ту сторону, откуда, по словамъ ворожеи, пришла болѣзнь. Пришедши на мѣсто, курицу съ блинами и бутылкой вина оставляютъ гдѣ нибудь у прясела и возвращаются домой, избѣгая при этомъ встрѣчи съ кѣмъ нибудь. Не издаютъ при возвращеніи никакого звука, какъ безсловесныя животныя. Какіе обряды совершаются тамъ, гдѣ оставлена курица съ блинами и виномъ,—остается еще неизвѣстнымъ. Самый обрядъ называется *Келясь-конъ*— проводы болѣзни. По нашему мнѣнію, это—жертва или Черу, или Якташу, или же другому, подобному имъ, духу зла.

Не менѣе интересенъ обрядъ, называемый *Путскóнъ*. Онъ совершается надъ неутѣшно плачущимъ ребенкомъ. Если никакими мѣрами дитя нельзя утѣшить, дѣлается небольшая берестяная коробка *чумóнъ*; затѣмъ скатывается изъ меду и маслѣ, изъ овсяной муки, колобокъ, который и кладутъ въ приготовленную коробочку. Къ коробкѣ нѣкоторыми присоединяется еще небольшая горбушка хлѣба. Потомъ къ коробкѣ же ставится огарокъ зажженной восковой свѣчки. Когда все это будетъ готово, кто нибудь изъ семьи, обыкновенно старикъ, беретъ ребенка на руки и выходитъ съ нимъ, взявши коробку, на улицу, за ворота, гдѣ и оставляетъ коробку, поставленною на столбикъ со словами: Пересьёсъ медамъ бӧрдзьыть вордскемъ пиналэзъ. Тыледлы, пересьёсъ, сётысько саламъ, та пиналэзъ энъ

шутъ (Пусть умершіе старики утѣшатъ ребенка. Вамъ, старики, приношу гостинецъ, не мучьте этого ребенка). Для такого обряда никакихъ жрецовъ не требуется, такъ какъ роль жреца принимаетъ кто нибудь изъ домашнихъ. Если же послѣ этого ребенку не будетъ лучше или, хуже того, онъ умретъ и на шеѣ его появятся синяки, то виновникомъ смерти считается *Убиръ*—кровососущее существо, которое, по повѣрью инородцевъ, нападаетъ и на свѣтила небесныя, чтобы пожрать ихъ. Убировъ обыкновенно считается три: *Убиръ*—кровососущее существо, носящееся въ поднебесной, *Куллмъ-Убиръ*—кровососущее существо, посылаемое предопредѣлителемъ судебъ (Кылчинъ), и *Куллмъ-Убиръ*—духъ умершаго колдуна, о которомъ мы поговоримъ ниже.

Въ началѣ болѣзни дѣтей обыкновенно приглашается знахарь или, чаще всего, знахарка *Пельясь, Эмьясь, Эмчи* [1]. Знахарка эта скатываетъ изъ ржаной муки, разведенной на водѣ, колобокъ и водитъ имъ по тѣлу ребенка со словами: „если дитя заразилось собачьей горячкой (пуны кыль), то пусть эта болѣзнь перейдетъ на колобокъ и въ немъ окажется собачья шерстинка: если же испортила ребенка баба-колдунья, пускай въ колобкѣ окажется женскій волосокъ". Это, какъ видно, гаданье. Послѣ этого знахарка колобокъ разламываетъ пополамъ и смотритъ, нѣтъ ли въ немъ какого нибудь волоска. Если найдетъ собачью шерстинку, колобокъ бросаетъ собакѣ со словами: „пускай съ этимъ колобкомъ собака съѣстъ и боль ребенка". Если же окажется длинный женскій волосокъ, велитъ родителямъ ребенка обратиться къ шептуну (пельясь), чтобы онъ лѣчилъ отъ порчи какъ знаетъ. Заговоровъ, нашептываемыхъ знахарями на больныхъ, у вотскихъ знахарей множество. Нѣсколько такихъ заговоровъ помѣщено и въ статьѣ нашей „Очерки воспитанія дѣтей у вотяковъ Вятской губерніи".

Какъ пельясь, такъ и эмчи или эмьясь, причисляются къ одной категоріи съ колдунами. Всѣ они имѣютъ одно общее названіе знахарей (вегіинъ, вѣдунъ). Эмьясь отъ пельяся отличается тѣмъ, что кромѣ заговоровъ прибѣгаетъ къ помощи лѣкарственныхъ снадобьевъ и талисмановъ лѣченія, тогда какъ пельясь

[1]) У монголовъ—буддистовъ подъ словомъ *Эмчи* разумѣется лѣкарь. Пельясь на вотскомъ языкѣ значитъ шептунъ, а Эмчи, какъ у монголовъ, лѣкарь, лѣчащій снадобьями. Слово это происходитъ отъ слова *Эм*—лѣкарство. Вотяки называютъ еще лѣкарство *Эмъ-юмъ*. *Авт.*

лѣчитъ исключительно нашептываніями. Они, какъ ворожеи, дѣйствуютъ только въ пользу страдающаго человѣчества, а колдунамъ приписывается дѣйствіе и въ пользу, и во вредъ—и врачеванье, и ворожба, и порча.

Вѣря въ безмертіе души, вотяки говорятъ, что души умершихъ посѣщаютъ живыхъ въ образѣ бабочекъ, особенно сѣраго цвѣта, и если послѣ бабочки у кого на тѣлѣ вдругъ появится синеватое пятно, то говорятъ, что ущипнулъ умершій, прилетавшій въ видѣ бабочки. Боготворя, какъ китайцы, души своихъ предковъ, вотяки приносятъ имъ жертвы подъ названіемъ *виро курбонъ* и сверхъ того каждой умершей старухѣ приносится корова, не имѣющая никакихъ природныхъ недостатковъ, а старику—конь. Впрочемъ, нынѣ, говорятъ, вмѣсто коня стали приносить другое животное, и этотъ обычай проявляется, по словамъ самихъ ихъ, вслѣдствіе отвращенія молодого поколѣнія къ коннѣ. Да и самый обычай жертвоприношенія душамъ стариковъ и старухъ исполняется уже рѣдко. Самая жертва душамъ стариковъ и старухъ приносится въ предотвращеніе гнѣва ихъ или, вѣрнѣе, мести. Мстятъ души умершихъ стариковъ, по повѣрью инородцевъ, болѣе тѣмъ, которые въ концѣ земной жизни стариковъ и старухъ не воздавали имъ должнаго почтенія. Кому по достоинству воздавали почтеніе, тотъ на смертномъ одрѣ прощается съ семейными обыкновенно по христіански, заповѣдуя жить между собой въ мирѣ и согласіи, не ссориться; проситъ похоронить какъ слѣдуетъ, устраивать по заведенному обычаю поминки. Если же, напротивъ, не почитали—кормили и одѣвали плохо, оскорбляли и издѣвались, то умирающій свою жалобу на смертномъ одрѣ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ, вопіющихъ въ то же время и объ отмщеніи. „Вы меня—говоритъ—держали плохо, ненавидѣли, только и ждали моей смерти. Вотъ и смерть (Озёль) моя приходитъ. Умру и вамъ уже не буду мѣшать. Пусть на васъ пойдутъ несчастія за несчастіями, бѣдствія за бѣдствіями". Но такія жалобы и злоожеланія умирающихъ рѣдки. Понятно, что если послѣ смерти подобныхъ недоброжелателей, не исполняющихъ при смертномъ часѣ долга примиренія, постигаетъ живыхъ какое нибудь несчастіе, то все это приписывается мести умершаго, могущаго, по понятіямъ, вредно повліять на благосостояніе живыхъ. Вотъ это-то и заставляетъ вотяковъ устраивать по умершимъ поминки. Такія поминки въ деревнѣ Ляль-

шурѣ по вотскому обычаю исправляются нынѣ только немногими. Тѣ, которые исправляютъ по обряду своихъ предковъ, передъ поминками считаютъ непремѣнною обязанностью выпариться и вымыться въ банѣ. Здѣсь, воображая присутствіе въ банѣ покойниковъ, пришедшихъ съ кладбища, во время поддаванія пару говорятъ имъ: „покойники! лицо берегите, не ошпарьтесь кипяткомъ". Чтобы брызги воды съ каменки не попали имъ въ лицо, жару поддаютъ обыкновенно съ осторожностью. Поминки приверженными къ старинѣ принято начинать съ захожденіемъ солнца и оканчивать ихъ до восхода, на зарѣ. Если женщины до начала поминокъ жарятъ что нибудь въ маслѣ, то говорятъ покойникамъ: „покойники! берегитесь, чтобы горячее масло не брызнуло въ лицо". Вся суть поминовенія усопшихъ въ кругу семьи заключается въ томъ, что предъ иконами зажигается восковая свѣча и вся семья встаетъ на молитву, каждый полагаетъ нѣсколько поясныхъ и земныхъ поклоновъ при выраженіяхъ благожеланій душамъ; напримѣръ говорятъ: „живите на томъ свѣтѣ хорошо, мирно между собой, не ссорьтесь; зла оставшимся въ живыхъ не дѣлайте" и проч. Послѣ молитвы начинается общая трапеза въ честь покойниковъ. Это самыя поминки. Вторая часть ихъ называется „проводами покойниковъ" и состоитъ въ томъ, что утромъ рано, до восхода солнца, предъ иконами зажигаются свѣчи, и семья, какъ предъ поминками, встаетъ на молитву; послѣ чего кости съѣденныхъ въ честь ихъ животныхъ уносятся куда-нибудь.

Особенный обрядъ поминовенія стариковъ, который обращаетъ на себя большое вниманіе этнографа, называется *джӧкгпумынъ чӧлсконъ, кисьтӧнъ* [1]). Обрядъ этотъ заключается въ слѣдующемъ. На край стола каждый пришедшій на поминки мужчина ставитъ принесенный съ собой и зажженный огарокъ восковой свѣчки. На полъ, подъ край стола, хозяинъ ставитъ какую нибудь посудину, напримѣръ горшокъ, буракъ или что нибудь другое въ этомъ родѣ. Въ эту посудину каждая пришедшая на поминки женщина кладетъ по частичкѣ принесеннаго съ собой кушанья и отливаетъ изъ посуды немного пива и вина; при этомъ словами выражаетъ различныя благожеланія душѣ находящагося въ загробномъ мірѣ. Когда такое приношеніе бу-

[1]) См. «Вотяки Сарапульскаго уѣзда». 1889 г., стр. 101.

[illegible]

детъ сдѣлано всѣми приглашенными, хозяинъ выноситъ посуди-ну во дворъ и ставитъ ее на столбъ или же просто на землю, говоря, что это· ·умершему. Оставленное приношеніе, если посу-дина поставлена на землю, собаки съѣдаютъ ночью же, если же поставлено на столбъ, то угромъ расклевываютъ сороки и во-роны.

Въ обрядѣ этомъ видны остатки обычаевъ, связанныхъ съ вѣрой въ переселеніе душъ или возрожденіе, и все это напоми-наетъ вѣрованія браминовъ въ Индіи, которые полагаютъ, что душа человѣка послѣ своей смерти переходитъ, между прочимъ, и въ животныхъ, пока не очистится отъ грѣховъ и наконецъ не соединится съ Брамою. Здѣсь у вотяковъ чрезъ угощеніе птицъ и собакъ угощаются, вѣроятно, души умершихъ, пересе-лившіяся въ животныхъ. Результатомъ вѣры въ переселеніе душъ у вотяковъ сохранилась и боязнь убивать животныхъ, напри-мѣръ лебедя, ласточку, ибо кто знаетъ, не обитаютъ ли въ этихъ птицахъ души какихъ нибудь людей и еще, можетъ быть, род-ственниковъ. Изъ уваженія къ человѣческимъ душамъ, обитаю-щимъ въ животномъ мірѣ, въ древнія времена и вотяки, несо-мнѣнно, воздерживались отъ употребленія мясныхъ яствъ и ограничивались, кромѣ хлѣба, только растительною пищею, въ томъ числѣ и травами. Слѣдующія травы и нынѣ употребляются ими въ сыромъ, и вареномъ видѣ: *щавель* (Rumex acetos), *пестики* (Bunium bulbocastanum), *земляные орѣхи* (Lathyrus tuberosus, Bunium) *дягиль* (Aegopodium Podagraria). *репейникъ* (Lappa), *коровникъ* (Archan-gelica officinalis), *полевой лукъ* (Fritillaria imperialis). *полевая рѣдька* (Raphanus Raphanistrum), *заячьи лапки* (Trifolium arvence), *крапива* (Urtica), *моховики* (Potentilla reptans) и проч.

Покончивши съ описаніемъ въ общихъ чертахъ главнѣй-шихъ священныхъ мѣстъ, капищъ, общественныхъ и домаш-нихъ, равно познакомивши съ нѣкоторыми божествами и поряд-ками жертвоприношеній имъ и душамъ умершихъ, перейдемъ къ ворожеямъ (тунась, туначи, тупо), съ которыми мы обѣщались познакомить.

Ворожеи, это—корни тѣхъ плевелъ, которыя препятству-ютъ свободно пускать ростки сѣменамъ христіанскаго ученія, брошеннымъ на вотскую почву въ 1700 годахъ. Пользуясь среди народа славой прорицателей, они вездѣ играютъ существенную роль, они поддерживаютъ многое изъ культа языческаго бого-

служенія и различныя обрядности суевѣрія. Захвораль ли кто въ семействѣ, просять помощи ихъ, потерялось-ли что обращаются къ нимъ; къ нимъ идутъ во всѣхъ случаяхъ, непріятно вліяющихъ на жизнь или спокойствіе; по словамъ же ихъ выбираются и мѣста, и животныя для случайныхъ жертвоприношеній, словомъ, они во всѣхъ обычаяхъ, относящихся къ культу божествъ, равно и въ предразсудкахъ и суевѣріяхъ какъ главныя пружины въ машинѣ. Называясь ворожеями, нѣкоторые изъ нихъ слывутъ колдуньи, знающими все (вѣдунъ, вещить). Не будь ихъ среди инородцевъ, послѣдніе, полагаемъ, не крѣпко бы соблюдали свои обычаи, а нѣкоторые изъ современныхъ, можетъ быть, давно бы бросили совсѣмъ, исполняли бы только тѣ обрядности, которыя совершаются въ опредѣленные сроки въ году, когда приносятся жертвоприношенія съ давнихъ временъ и по отношенію къ этимъ обрядамъ ворожеи никакой роли не играютъ.

По какимъ образомъ ворожеи у вотяковъ вступаютъ въ роль прорицателей? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ прежде всего слѣдовало: а) изслѣдовать нѣкоторые изъ разсказанныхъ самими инородцами фактовъ о похищеніяхъ духами злыхъ людей и б) познакомить съ отличительными чертами воспитанія дѣтей у этихъ инородцевъ. Но такъ какъ подробности по этимъ предметамъ заняли бы на страницахъ нашей статьи не мало мѣста и, слѣдовательно, отвлекли бы насъ отъ прямой нашей задачи, то мы ограничимся здѣсь изложеніемъ только нѣкоторыхъ свѣдѣній.

Дѣти у вотяковъ развиваются умственно, какъ мы замѣтили выше, подъ вліяніемъ страшныхъ разсказовъ и миѳическихъ вѣрованій. Эти вѣрованія переходятъ къ нимъ отъ взрослыхъ, своеобразно объясняющихъ не только явленія природы, но и причины болѣзней и проч. Подъ вліяніемъ такихъ разсказовъ и вѣрованій слагаются у нихъ, по нашему мнѣнію, и тѣ душевныя свойства, которыя подвергаются различнаго рода заблужденіямъ или обманамъ чувствъ - галлюцинаціямъ. Причины такихъ галлюцинацій заключаются, по нашему мнѣнію, въ особенной силѣ воображенія, которая дѣйствуетъ на внѣшнія чувства, какъ магнетизеръ, особенно подъ дѣйствіемъ страха, что подтверждается и пословицей: „у страха глаза велики". Вотъ такіе галлюцинаты и вступаютъ въ роль ворожей.

Затѣмъ ворожбой занимаются тѣ, которыхъ, говорятъ, похищалъ Люлэмуртъ. Онъ, по мнѣнію инородцевъ, людей болѣе для того и похищаетъ, чтобы научить ворожить.

Въ книжкѣ г. Первухина „Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда", эскизъ 1-й, г. Вятка, 1888 г. [1]), помѣщено нѣсколько разсказовъ о похищеніяхъ людей Люлэмуртомъ. И мы слышали нѣсколько подобныхъ разсказовъ; изъ какихъ три, услышанные въ дер. Ляльпурѣ, помѣщаемъ здѣсь.

Разсказъ *первый*, Дементія Михайлова.

Въ воскресенье 11 августа 1891 г. вотякъ названной деревни Петръ Григорьевъ, 30 лѣтъ, холостой, по приказанію своего отца ушелъ въ поле жать рожь и домой не возвращался. Искали его всѣмъ селеніемъ два дня, но не нашли. Наконецъ чрезъ нѣсколько времени очутился онъ въ селѣ Шаркапѣ, откуда и былъ приведенъ въ свою деревню. По разсказамъ его, онъ ушелъ въ поле и сталъ жать рожь. Связалъ восьмой снопъ и хотѣлъ сдѣлать поясъ для девятаго, но вдругъ явился къ нему старикъ, сѣдой, какъ лунь, средняго роста, и говоритъ: ты развѣ и по воскресеньямъ жнешь? Петръ Григорьевъ на это ему не сказалъ ни слова. И старикъ, взявши его за подмышки, понесъ неизвѣстно куда по глухимъ мѣстамъ. Примѣрно чрезъ полторы сутки, старикъ посадилъ его на кокору и, покормивши чѣмъ-то, сталъ разговаривать. Но о чемъ разговаривали они,— Петръ Григорьевъ никому не сказываетъ. Отдохнувши на кокорѣ, пошли опять. Такъ ходили по неизвѣстнымъ мѣстамъ еще полторы сутки и вышли къ пруду Воткинскаго завода. Старикъ, взявши его, какъ сначала, за подмышки, понесъ по пруду, какъ по суху. Сошли съ пруда передъ заводомъ и старикъ сказалъ: теперь съ собой тебя я не возьму. Оставайся здѣсь. Скажи своимъ деревенскимъ (ляльпурскимъ), чтобы принесли они въ жертву барана синяго и утку синюю. Такъ сказавши, старикъ исчезъ. Это было уже вечеромъ. Петръ Григорьевъ, переночевавши въ заводѣ у мастерового, у котораго останавливаются въ базарные дни свои деревенскіе, вернулся домой.

Разсказъ *второй*, Михаила Юртаева, о себѣ:

„Въ то время я былъ еще 24 лѣтъ, а сыну шелъ 8 годъ. Это было весной послѣ пашни, когда, окончивши посѣвы, вотяки ходятъ и ѣздятъ другъ ко другу въ гости. Такъ и я, взявши

[1]) См. дополненіе къ 83 стр. названной книжки.

съ собой жену и сына, отправился въ гости къ своимъ родственникамъ въ дер. Петуньки, Сосновскаго прихода. Погостивши въ этой деревнѣ, возвращаемся домой на верховой лошади. Позади меня пла жена съ сыномъ. Вдругъ я увидѣлъ не далеко въ полѣ несущійся въ нашу сторону огромной вышины вихрь съ пылью (тёлпери). Не успѣлъ я сказать о немъ женѣ, какъ вдругъ былъ сброшенъ съ лошади. Что было дальше —не помню; только чувствовалъ, что иду куда-то противъ желанія. Наконецъ очнулся уже гдѣ-то въ незнакомомъ мѣстѣ и вижу, что меня, взявши себѣ подъ мышки, несетъ огромнаго роста старикъ. Идетъ онъ все дальше и дальше, перешагивая озера, рѣки и пруды и ничего мнѣ не говоря. Когда наступили сумерки, онъ принесъ меня въ дер. Арлаиово (въ 2-хъ верстахъ отъ Ляльшура) и, отпустивши на крыльцѣ знакомаго мнѣ вотяка, велѣлъ мнѣ зайти въ избу, самъ же остался на крыльцѣ. Я зашелъ въ избу и увидѣлъ тамъ сидящими за столомъ поповъ (жрецовъ), которые исполняли вотскіе религіозные обычаи; а у стола увидѣлъ стоящими и угощающими кумышкой женщинъ; онѣ пѣли пѣсни. Хозяинъ привѣтствовалъ меня ласковымъ словомъ и пригласилъ сѣсть за столъ, накрытый разными кушаньями. Я сижу за столомъ, пью кумышку и закусываю. Посмотрѣлъ въ передній уголъ и увидѣлъ тамъ сидящимъ за столомъ того самаго, который посилъ меня; но онъ преобразился уже въ юношу съ лицомъ красивымъ. И говоритъ онъ мнѣ: „ты, Михайло, закусывай крѣпче: теперь голоденъ". Я разговариваю съ нимъ, думая, что его посадилъ за столъ хозяинъ. Но ни хозяинъ, ни гости его не видятъ и удивляются мнѣ, говоря, что я, сумасбродъ, разговариваю самъ съ собой, видно де много выпилъ кумышки. Онъ ѣстъ ужасно много; однако кушаньевъ не убываетъ, какъ будто вовсе не ѣстъ. Наѣлся, видно, и не стало его видать. Посидѣлъ я за столомъ, погостилъ и вышелъ изъ избы, поблагодарившн хозяина. Отъ этого домохозяина зашелъ къ другому и тамъ тоже засталъ гостей. Въ числѣ гостей и меня стали угощать кумышкой. Посидѣлъ я тутъ много ли—мало ли и вышелъ. На дворѣ было уже темно. Вдругъ кто-то заговорилъ въ темнотѣ: „Михайло, ты много пьешь кумышки. Я давно уже тебя жду". Сказавши это, онъ опять взялъ меня и понесъ. Это былъ тотъ самый, который посилъ меня и сидѣлъ со мной за столомъ. Онъ несетъ меня неизвѣстно куда, перешагивая черезъ горы, пруды и рѣки и притоптывая деревья въ

лѣсахъ, какъ траву. Такъ несъ долго и принесъ на ровное мѣсто, откуда въ лѣвой сторонѣ видѣлись огромные лѣса, а въ правой сторонѣ—вода. Принесъ меня въ лѣсъ и поставилъ на ноги. Въ лѣсу этомъ его помѣстье съ огромными зданіями, а во дворѣ всякіе звѣри, птицы, насѣкомыя и черви. Привелъ меня въ чистую избу и покормилъ чѣмъ-то. Въ разговорѣ коснулся нашихъ обычаевъ жертвоприношеній и велѣлъ передать нашимъ деревенскимъ, чтобы они принесли въ жертву утку и овцу сѣрыхъ и жеребенка. Затѣмъ отдалъ мнѣ мѣдный пятакъ и еще какую-то чрезвычайной бѣлизны матерію въ родѣ шарфа. Надѣлъ эту матерію мнѣ на шею и сказалъ: „съ этого времени ты будешь тунгачи (ворожея). Когда будешь ворожить, надѣнь матерію на шею и концы ея бери въ лѣвую руку, а въ правой держи монету и смотри въ нее. Въ монетѣ увидишь все, что нужно будетъ узнать". Сказалъ еще, что у насъ въ деревнѣ на скотѣ будетъ чума (которая, по словамъ однодворцевъ Михайла, въ тотъ годъ дѣйствительно была). Послѣ этого онъ принесъ меня въ свою деревню и, поставивши, какъ ребенка, на ноги, сдѣлался невидимъ. Я сталъ ворожить и дѣйствительно угадывалъ все вѣрно. Обращались ко мнѣ мужики и бабы. Но сосѣдъ мои, Аѳанасій Харитоновъ, сталъ распространять слухи, что я обманываю простыхъ людей и начинаю учиться колдовству, чтобы портить. Вслѣдствіе этого народъ сталъ относиться ко мнѣ съ недовѣріемъ и сталъ чуждаться меня. Я сошелъ съ ума и дурачилъ".

Разсказъ свой Михайло Юртаевъ дополнилъ тѣмъ, что до случившагося съ нимъ происшествія онъ жилъ богато, а послѣ едва ли не бѣднѣе всѣхъ.

Разсказъ *третій*, Николая Михайлова Вахрушева.

Это было въ августѣ мѣсяцѣ 1868 года, во время полевой страды. Семья Оспна Григорьева, вотяка дер. Лильшура, ночевала въ полѣ подъ елью, у ложка Кызя лудъ-гопъ. Спали уже всѣ крѣпкимъ сномъ, какъ утомленные отъ дневныхъ трудовъ. Вдругъ среди ночи, когда спали всѣ, Осипъ закричалъ, говоря, что его рѣжутъ. Проснулись всѣ и стали спрашивать его, что де случилось съ нимъ. Но его привести въ чувство никакъ не могутъ. Наконецъ кое какъ онъ очнулся и сталъ разсказывать свое сновидѣніе: „я говоритъ какимъ то образомъ очутился въ погребной ямѣ и вдругъ по бокамъ мнѣ представились два старика. Они тычутъ мнѣ въ бока ножами, но достать не могутъ,

Послѣ его разсказа одинъ изъ семьи обвелъ лежащихъ, благословясь, чертой и уснули всѣ, кромѣ одного работника Михаила Воронцова. Этотъ работникъ, когда уснули всѣ, вышелъ изъ за черты для естественной нужды и исчезъ. Потомъ, когда нашелся, разсказалъ, что какъ только онъ вышелъ изъ-за черты, вдругъ предсталъ предъ него кто-то огромнаго роста и, взявши его себѣ въ подмышку, понесъ вихремъ. Въ одномъ мѣстѣ пронесъ его между огнемъ и спицами; черезъ нѣсколько времени поднялся кверху и понесся выше лѣса. Затѣмъ опять спустился на землю гдѣ-то въ подсѣкѣ. Отдохнулъ тамъ и говоритъ: „надо бы взять хозяина (Осипа Григорьева), да не далъ богъ". Отдохнувши, опять понесся подобно вихрю. Черезъ нѣсколько времени спустился у рѣки и, раздѣвъ тамъ Михаила чуть не до нага, оставилъ на немъ только рубаху и ту разорвалъ вдоль ворота. Все, что снялъ съ него, связалъ, говоря, что это нужно работникамъ его. Послѣ всего этого обратился къ Михаилу съ приказаніемъ, чтобы односельцы его принесли въ жертву двухъ жеребятъ. Затѣмъ исчезъ.

Если бы заниматься спеціально собираніемъ подобнаго рода разсказовъ, то, думаемъ, небольшой районъ вотской территоріи далъ бы матеріала на цѣлый томъ.

Вотъ подобные субъекты и выступаютъ преимущественно въ роли ворожей.

Способы ворожеія у знахарей различны. Здѣсь опишемъ только четыре способа.

Первый способъ. Въ деревянную чашку наливается свѣжая ключевая вода; затѣмъ вокругъ этой чашки полагаются слѣдующіе талисманы ворожеія: по правую сторону кусокъ хлѣба или же тѣльникъ съ шеи, по лѣвую—кусокъ земли, а среди ихъ, выше, кусокъ угля; всего три талисмана. Талисманы эти, въ случаѣ неимѣнія ихъ, могутъ быть замѣнены и другими. Когда талисманы готовы, отрѣзывается отъ цѣлаго каравая небольшая горбушка и таковая, когда ею будутъ описаны надъ чашкой круги по солнцу съ произношеніемъ таинственныхъ словъ, опускается въ воду. По исполненіи всего этого ворожея, сосредоточивши все вниманіе на горбушкѣ, говоритъ ей, свободно лежащей на поверхности земли: если больной умретъ, поскомъ оборись къ землѣ, если выздоровѣетъ,—къ куску хлѣба (или къ тѣльнику); если же на больномъ порча или уроки,—оборись

поскомъ къ углю. Послѣ всего этого, по положенію горбушки, объявляетъ о результатахъ вороженія.

Второй способъ. Ворожея, хотя бы и слѣпой, беретъ въ руку подаренную ему, въ видѣ вознагражденія за трудъ, монету и смотритъ въ нее съ напряженіемъ органовъ зрѣнія и отрывками объясняетъ о результатахъ вороженія.

Что видишь въ монетѣ особенное? былъ спрошенъ однажды ворожея однимъ изъ зрителей, находившихся при вороженіи.

—Если больной умретъ—отвѣтилъ онъ—монета чернѣетъ; если же выздоровѣетъ, кажется золотомъ. Въ порчѣ—добавилъ онъ- монета представляется огнемъ; показывается даже самъ шайтанъ. Если иногда больной долженъ принести за себя жертву, показывается самое животное, котораго должно принести.

Способъ *третій*. Ворожея держитъ на пальцахъ правой руки, опираясь локтемъ о столъ, цѣлый каравай хлѣба и говоритъ ему: если на больномъ обыкновенная болѣзнь, отъ естественныхъ причинъ,—повернись въ такую-то сторону; если же порча или что другое,—повернись въ другую сторону и т. д.

Способъ *четвертый*. Берутъ нѣсколько штукъ, напримѣръ десять, такъ называемыхъ лычныхъ палысинъ (обрѣзковъ отъ лыкъ, приготовленныхъ на лапти), длиной каждая около полъ-аршина. Взявши ихъ въ одинъ пучекъ и, согнувши на половинѣ, катаютъ между ладонями, чтобы лычины перемѣшались. Затѣмъ берутъ ихъ согнутыми въ правую руку вертикально, при чемъ концы лычинъ высовываются наружу. Потомъ предлагаютъ кому нибудь загадать, говоря, напримѣръ: если молодой человѣкъ уйдетъ въ солдаты, пусть будетъ дорога, если же нѣтъ,—пускай изъ личинъ образуются кольца. Дорогу означаетъ, если связанныя лычины образуютъ одну, какъ нарочно связанную изъ нѣсколькихъ колѣнъ (звенъ) лычину, а кольцами называются, если лычины будутъ перепутаны. Послѣ всего этого загадывающій связываетъ торчащіе изъ кулака концы лычинъ, т. е. одинъ съ другимъ, взятые произвольно. Такимъ образомъ, на кулакѣ образуются узлы; остаются не связанными только два конца. Въ заключеніе не связанные концы лычинъ берутъ въ руки, одинъ въ правую, а другой въ лѣвую, и протягиваютъ, чтобы видѣть, что именно образовалось -кольца или дорога?

Послѣдній способъ употребителенъ болѣе, впрочемъ, въ домашнемъ быту неспеціально занимающимися вороженіемъ и пре-

имущественно въ кругу женщинъ и молодежи: равно ворожатъ такимъ образомъ и въ кругу своей семьи въ случаѣ какой нибудь потери или невозвращенія отсутствующаго члена семьи.

Кромѣ ворожей, инородцы для узнанія будущности обращаются къ природѣ въ опредѣленное для этого время въ году, между которымъ ночь на Великій четвертокъ занимаетъ первое мѣсто. На такомъ гаданіи автору настоящаго труда довелось случайно быть самому.

Въ ночь на 6 апрѣля 1889 года, часовъ въ 10, зашелъ я къ хозяину квартиры, помѣщающемуся въ отдѣльной избѣ, чрезъ сѣни, и у него засталъ сидящимъ холостого парня, близъ-живущаго сосѣда. Онъ, какъ сообщили мнѣ предварительно, зашелъ звать хозяйскаго сына идти за околицу выслушивать звуки.

Зашедши къ хозяину, я увидѣлъ на столѣ бутылку съ кумышкой и при ней на чистой скатерти каравай хлѣба съ солонкой. Подъ столомъ и подъ лавками въ переднемъ углу выметено было чисто, чтобы къ появленію въ эту ночь таинственныхъ зверенъ [1]) не было никакого сору.

Пришедшій парень въ ожиданіи хозяйскаго сына сидѣлъ на лавкѣ молча. Черезъ минуту, другую и хозяйскій сынъ явился.

— Не „слушать" ли собираетесь, М.? обратился я къ сыну хозяина съ предвзятою цѣлью начать разговоръ съ тѣмъ, чтобы узнать кое что объ интересующемъ меня гаданіи въ эту ночь.

— Да, думаемъ. Вотъ товарищъ пришелъ звать — отвѣчалъ онъ.

— И меня возьмете?

— Пойдемъ. Отчего не взять.

— Трое и пойдемъ?

— Возьмемъ еще кого-нибудь. Будетъ веселѣе.

— Скоро соберетесь?

— Надо будетъ еще повременить. Люди не спятъ еще, и собаки лаютъ. Впрочемъ, иди собирайся; время пройдетъ живо, надо забѣжать еще къ тому, къ другому.

Сборы мои были не долги—надѣлъ шубу, опоясался и готовъ. Парень, пришедшій звать, тѣмъ временемъ сходилъ за ружьемъ и поронницей. Я взялъ по просьбѣ хозяйскаго сына револьверъ и вышелъ съ ними. Выйдши за ворота, одинъ изъ парней выстрѣлилъ, чтобы, какъ онъ говорилъ, испугать колдуновъ и

[1]) См. «Вотяки Сосновскаго края», 1886 г., стр. 67—69.

пайтановъ. За нимъ, по просьбѣ его, хлопнулъ изъ револьвера и я.

— Надо будетъ звать и Е., сказали мои спутники и пошли по улицѣ деревни.

На пути къ Е., товарищи мои постучали въ окно С. П., одного изъ зажиточныхъ мужиковъ деревни.

— Кто тутъ? спросилъ хозяинъ дома.

Товарищи мои, вмѣсто отвѣта, предложили ему, не хочетъ ли онъ идти за околицу выслушивать звуки.

Онъ согласился: однако сказалъ, что „слушать" еще рано, надо маленько подождать.

— Мы сходимъ къ Е. и ты тѣмъ временемъ соберешься - сказали ему мои товарищи.

— Сходите, я соберусь—согласился онъ.

Мои спутники направились къ Е., а я затѣмъ къ С. П., чтобы, въ ожиданіи своихъ товарищей, посидѣть у него.

На столѣ у С. П., какъ и у хозяина моей квартиры, я заслалъ бутылку съ кумышкой и хлѣбъ-соль. Семенные его уже лежали всякъ на своей постелькѣ, но спать еще никто, кажется, и не думалъ, вѣроятно расположились только до меня.

— И ты развѣ хочешь слушать? адресовался ко мнѣ братъ С. П., старше его, который во время религіозныхъ обрядовъ исполнялъ обязанности жреца и крѣпко почиталъ своего Ворпуда (теперь, говоритъ, своего семейнаго бога онъ забываетъ).

— Отчего не идти? надо знать, какія вѣрованія и обычаи у васъ—сказалъ я ему.

— Удивительно, какой ты любопытный! тебѣ все хочется узнать. А на что это?—спросилъ онъ.

Тутъ я объяснилъ ему, что иду вовсе не выслушивать звуки, а просто хочется узнать, какъ они гадаютъ въ эту ночь: и что гаданіе ихъ, можетъ быть, потомъ я опишу, чѣмъ и принесу въ науку народознанія вкладъ. Онъ сталъ говорить со мной откровеннѣе и я спросилъ его:

— Ты выслушивалъ ли когда, М.?

— Бывало,—выслушивалъ,—отвѣчалъ онъ.

— И слыхалъ что?

— Какъ же, слыхалъ. Да вѣдь выслушивать нужно такъ, чтобы не издавать никакихъ звуковъ, напримѣръ не надо ни говорить, ни кашлять и т. д..... Тебѣ захочется покурить и плю-

ночь. Вотъ и звукъ. Услышишь что нибудь и не утерпишь, скажешь объ этомъ своему товарищу. Вотъ и не ладно.

— Каплять можно, но только въ рукавъ,—замѣтила слушавшая нашъ разговоръ женщина, жена М. Она же, между прочимъ, сообщила, что въ прежнія времена старики ходили выслушивать звуки въ бѣлой чистой одеждѣ и при этомъ полосъ и оборки лаптей завязывались въ лѣвый узелъ.

— Едва ли что услышишь. Нынче этому стали вѣрить мало въ заключеніе сказалъ М. и сталъ набивать трубку табакомъ.

По окончаніи разговора нашего съ М. вошли въ избу и извѣстные намъ два парня съ третьимъ Е.

— Ну что, готовы ли вы? обратились парни къ С. И.

За нами дѣло не стоитъ, только кажется еще рановато: люди не спятъ—отвѣтилъ С. И.

Поговоривши съ ними кое о чемъ, С. И. началъ давать намъ „наставленія“ относительно того, что мы ничуть не должны нарушать правилъ гаданія, т. е. чтобы ни идя, ни выслушивая, не издавали бы никакихъ звуковъ, а въ случаѣ надобности объяснялись бы мимикой. Наконецъ, когда онъ кончилъ свои наставленія и предупрежденія, взялъ кочергу, а Е. отдалъ косу, чтобы провести ей вокругъ себя черту на мѣстѣ выслушиванія. Потомъ онъ сѣлъ на лавку, давая тѣмъ примѣръ намъ, чтобы сѣли и мы. Я не хотѣлъ сѣсть, думая, что это по отношенію ко мнѣ, какъ стороннему, не имѣетъ важнаго значенія. Но когда онъ сказалъ, что безъ этого нельзя идти выслушивать, я поневолѣ долженъ былъ покориться.

Ну, ребята, идемъ сказалъ онъ. Да смотрите, ничуть не издавайте никакихъ звуковъ—повторилъ онъ свои наставленія. Говорить можно послѣ, а теперь нельзя—добавилъ еще онъ.

Съ этими словами онъ всталъ и, сказавши: „бстэ Нимарэ“ (благослови, Господи), пошелъ къ дверямъ.

— Зачѣмъ говоришь „бстэ“? вѣдь выйти надо не благословясь—замѣтилъ кто-то.

— Нельзя, братъ, безъ этого! сказалъ онъ. Пускай кто какъ хочетъ, такъ и дѣлаетъ. Но я теперь безъ этого на улицу не выйду. Какъ знать? неровенъ часъ встрѣтишься съ колдуномъ или съ самимъ шайтаномъ: а благословясь безопасно. Хотя прежде старики и выходили не благословясь, но тѣ времена прошли.

Противъ этого С. И. никто не возражалъ, тѣмъ болѣе, что

среди насъ онъ принималъ роль вожатаго, долженствующаго идти съ кочергой впередъ.

Итакъ, мы вышли.

Выйдши изъ избы, никто, конечно, разговорами не занимался, а объяснялся мимикой, даже нюханье табака С. П. долженъ былъ совершить особеннымъ образомъ, о куреніи же нечего было и думать.

За полевыми воротами С. П. остановился и указалъ рукою на ель, стоящую у дороги. Это означало, что мы должны остановиться для выслушиваній тамъ. Здѣсь, около ели, снѣгу уже не было. Остановившись на избранномъ мѣстѣ, Е., взявши косу въ правую руку, обвелъ вокругъ насъ черту по солнцу три раза. Затѣмъ стали выслушивать, ни мало не шевелясь.

Такъ какъ это было въ самый разливъ рѣки, то кругомъ около насъ шумѣли ручейки, какъ прудная вода, льясь на мельничное колесо.

Въ деревнѣ безпрерывно то здѣсь, то тамъ лаяли собаки, которыя, какъ было видно, сильно надоѣдали С. П., что доказывали нервическія движенія его; но выражать свое неудовольствіе словами, вопреки правиламъ этого оригинальнаго гаданія, онъ не могъ. На небѣ не было видно ни облачка. Мріады звѣздъ горѣли какъ свѣчки въ церкви во время всенощной. Въ воздухѣ не замѣчалось ни малѣйшаго движенія. Чтобы ничто не мѣшало, С. П. снялъ даже шапку и поковырялъ въ ушахъ имѣющеюся при тѣлышкѣ гроповой ковырялкой. Изрѣдка то онъ, то его товарищи указывали руками въ разныя стороны, давая тѣмъ другъ другу знать, что они въ указанной сторонѣ слышатъ звуки и чтобы и товарищи слушали внимательнѣе. С. П. замѣтилъ, что меня начинаетъ клонить ко сну. И вотъ, отправивши въ носъ понюшку, предложилъ и мнѣ, но съ предупрежденіемъ, что я долженъ принять только то количество порошка, какое пристанетъ къ концу пальца, утянутаго въ порошокъ. Но табакъ все-таки проявилъ свое дѣйствіе и я чихнулъ.

— Экъ тебя! я ужъ началъ было слушать—сказалъ мнѣ С. П. чуть слышно и съ неудовольствіемъ пошелъ впередъ, чтобы перемѣнить мѣсто. Мы поплелись за нимъ.

Впереди ясно, какъ за сто саженей, слышался лай собакъ изъ сосѣдней деревни, расположенной верстахъ въ четырехъ, и это доказывало, что воздухъ недвижимъ. Въ ближнемъ лѣсу кри-

чала сова, а гдѣ-то далеко бубукали зайцы. Въ сосѣднихъ деревняхъ раздавались выстрѣлы изъ ружей, чтобы навести страхъ на колдуновъ и шайтановъ.

Прошли мы гуськомъ по канавѣ примѣрно около пятидесяти саженей, и С. И., нашъ вожатый, повернулъ отъ дороги на лѣво; избравши новое мѣсто, онъ сѣлъ по прежнему и снялъ шапку, чтобы она ни мало не мѣшала выслушивать звуки. Е. по прежнему обвелъ вокругъ себя черту и стали выслушивать.

Прошло съ четверть часа времени, какъ товарищи мои начали выслушивать звуки въ гадательномъ кругу. Но ни чего особеннаго для меня не было слышно; слышались только лай собакъ, журчаніе воды, крикъ совы и зайцевъ и выстрѣлы изъ ружей; больше же ничего. Товарищи мои всѣ были обращены лицами въ сторону древняго вотскаго кладбища,—не услышимъ ли де что оттуда. Прежде говорили они—на этомъ кладбищѣ покойники выли и ревѣли.

— Пойдемте, ничего не слышно—сказалъ С. И. и, вставши, пошелъ обратно по дорогѣ, ведущей въ деревню. За нимъ пошли и мы.

Идучи обратно, заговорили всѣ.

— Я слышалъ въ деревнѣ звуки тесанія досокъ.

— И я тоже.

— Значитъ, будутъ покойники—заключилъ одинъ.

- Около деревни Б.... кричалъ какой-то человѣкъ—объявилъ другой.

Такого рода разговоры велись вполголоса, съ нарушеніемъ главныхъ правилъ гаданія.

Доходя до общественаго запаснаго хлѣбнаго магазина, нѣкоторые изъявили желаніе выслушивать звуки еще у этого зданія, находящагося въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ дороги, при чемъ пригласили и меня. Отъ приглашенія этого, конечно, я не отказался, во первыхъ, потому, что о порядкѣ гаданія въ эту ночь желалось имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія, и во вторыхъ, если бы я ушелъ, то изъ компаніи который нибудь долженъ былъ непремѣнно идти со мной; въ противномъ случаѣ количество выслушивающихъ составило бы четное число, а этого, по правиламъ гаданія, не допускалось. Положимъ, желающіе раздѣлились попарно, и если составилось нѣсколько паръ, то одинъ долженъ быть лишній, т. е. неимѣющій себѣ пары. Такъ, напри-

мѣръ, не могутъ идти выслушивать двое, четверо, шестеро и т. д., а чтобы было непремѣнно или три, или пять, или семь и т. д. Вотъ потому и въ данное время, если бы я ушелъ домой, кто нибудь отъ артели долженъ былъ отдѣлиться и идти со мною; а мнѣ не хотѣлось ни котораго лишать удовольствія.

Дошедши до караульной избушки, С. И. сталъ взбираться по лѣстницѣ.

— Зачѣмъ ты въ избу, С. И.? спросилъ я его.

— Безъ этого нельзя—отвѣтилъ онъ. Чтобы выслушивать звуки, не надо, выходши изъ избы, нарушать правилъ гаданія, т. е. говорить. Мы при возвращеніи говорили,—значитъ нарушили главное правило гаданія, потому намъ теперь нельзя выслушивать. Теперь, если выйдемъ изъ избы и не будемъ нарушать этого правила, что нибудь выслушаемъ, такъ какъ гаданіе повторяемъ снова, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ.

Вошли мы въ караульную избушку, не успѣли еще сѣсть на лавку, какъ вслѣдъ за нами вошли трое другихъ гадателей, которые, какъ оказалось, выслушивали въ полѣ. Они, по словамъ ихъ, зашли въ караульную избушку, видя насъ, чтобы, главнымъ образомъ, узнать отъ моихъ товарищей о результатахъ гаданія.

Напрасно ходили: ничего не слышно—сказалъ одинъ изъ троихъ, садясь на лавку.

— И не услышишь: вездѣ шумъ воды, какъ на мельницѣ, сверхъ того лаютъ собаки—дополнилъ кто-то.

— Лай собакъ въ ночь на великій четвертокъ предзнаменуетъ недоброе что нибудь—замѣтилъ караульный сторожъ.

На это слушатели отвѣтили молчаніемъ, которое служило въ данный моментъ знакомъ согласія съ мнѣніемъ караульщика.

Нынѣ гаданью не стали вѣрить, потому и не слышится высказалъ свое мнѣніе одинъ изъ другой артели. Прежде, по словамъ его, старики вѣрили и все слышали и знали впередъ. Невѣрующій что услышитъ?!... Возьмемъ и человѣка: когда, кто чему не вѣритъ, ему и не говоритъ, зачѣмъ де даромъ болтать языкомъ, когда не вѣритъ.

Да, нынче люди (вотяки) другими стали—согласился С. И.

Поговорили еще кое о чемъ, и С. И. сталъ звать къ магазинному амбару.

Мы вышли, не говоря ни слова.

Мѣстомъ выслушиванія С. И. избралъ крылечко хлѣбнаго

магазина и, навалившись грудью на перила, сталъ выслушивать. Гдѣ-то далеко въ лѣсу кричалъ не то филинъ, не то заяцъ: бу!..., бу!.... на подобіе того, какъ издастъ скрипъ нагруженная хлѣбомъ телѣга (волокуша), у которой колеса не видали дегтя. Черезъ минуту, другую въ деревнѣ раздались какіе-то звуки какъ бы отъ брошенной на землю доски и еще другіе какіе-то звуки.

С. П., какъ видно утомленный выслушиваніемъ, навалившись грудью на перила, уже началъ клевать носомъ, а все еще не изъявлялъ желанія идти домой, гдѣ семейные его давно уже спали, да и вообще въ деревнѣ огней давно не было; впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ ночь на Великій четвертокъ вотяки никакими ручными дѣлами не занимаются и потому ложатся спать рано, а большинство не достаетъ и огня. Было уже около перваго часа, что узнали мои спутники по положенію созвѣздія большой медвѣдицы (кузь-быжо-кизили).

— Пойдемте домой, спать хочется сильно—сказалъ наконецъ С. П.

Онъ нарушилъ правило гаданія и, слѣдовательно, теперь могъ говорить каждый.

— Я слышалъ скрипъ хлѣбной телѣги -объявилъ одинъ.

— Я слышалъ бросаніе досокъ -продолжалъ дальше другой.

Значитъ, годъ будетъ урожайный, при томъ будутъ болѣзни и смертность—заключилъ кто-то.

Итакъ, гаданіе посредствомъ выслушиванія звуковъ кончилось.

Теперь о гаданіи въ полѣ въ ночь на Великій четвертокъ я узналъ подробнѣе, бывши самъ на такомъ гаданіи съ этнографическою цѣлью. Изъ этого гаданія легко вывести заключеніе, что въ старину у вотяковъ началомъ новаго года считалось весеннее полнолуніе, и это начало праздновали въ которыя нибудь изъ избранныхъ ими дней. Эти дни имѣли у нихъ свои названія. И нынѣ мѣстами дни недѣли называются не по русски. Такъ, воскресенье называется дзоч-арня (русское воскресенье), понедѣльникъ—вордскомъ (рожденіе), вторникъ—пукёмъ (существительное отъ глагола сѣсть), среда вирчиналъ (день крови), четвертокъ покчи-арня (малое воскресенье), пятница- удмортъ-арня (вотское воскресенье), суббота- кёсь-пуналъ (день поста). Такія названія дни недѣли имѣютъ нынѣ тамъ, гдѣ въ близкомъ сосѣдствѣ съ вотяками живутъ татары и черемисы. У послѣднихъ встрѣчаются такія же названія.

Мы выше имѣли случай замѣтить, что нѣкоторые изъ ворожей слывутъ колдуньями. Теперь кстати поговоримъ и о колдунахъ.

Колдуны, по словамъ инородцевъ, враги семейнаго благосостоянія, нарушители спокойствія и тишины. Но въ то же время они не для всѣхъ опасны. Кто владѣетъ смѣлостью, тому колдуны не особенно опасны, такъ какъ смѣлость противъ нихъ служитъ сама собой какъ бы орудіемъ въ борьбѣ съ врагомъ. Порчу колдуны напускаютъ на человѣка или по вѣтру, или прикосновеніемъ, или же нашептываньемъ на напитки, которыми и поятъ чрезъ кого нибудь. Иногда колдуны портятъ просто дуновеніемъ. Иного больного, если онъ испорченъ, никто, кромѣ самого колдуна, вылѣчить не можетъ. Особенно придается большая сила колдовству колдуна тогда, когда онъ будетъ проявлять къ человѣку ласку и потреплетъ его по спинѣ. Если вскорѣ послѣ этого захвораетъ тотъ человѣкъ, то, говорятъ, что онъ испорченъ колдуномъ, который ласкался къ нему. Колдовство, по мнѣнію инородцевъ, переходитъ по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ, а за неимѣніемъ послѣднихъ—къ родственникамъ и ихъ потомкамъ.

Какъ ни страшенъ и опасенъ колдунъ для смирныхъ, трусливыхъ и знающихъ, есть противъ него и амулеты, между которыми серебряный рубль старинаго чекана съ изображеніемъ Императора или Императрицы съ лицомъ, обращеннымъ противъ солнца, занимаетъ первое мѣсто. Такая монета называется „противникъ“. Ее носятъ боящіеся колдуновъ при себѣ. Затѣмъ не менѣе полезными въ этомъ отношеніи считаются: *укладъ* (андань) и корень травы *земляной ладанъ*, Valeriana officinalis (саралтй).

Въ дѣтскія колыбели, кромѣ укада и корня названной выше травы, кладутъ слѣдующіе амулеты: *лукъ* огородный (сугонь), *конскій щавель*, Rumex acutus (чунь быякъ), верескъ и вересъ, Juniperus vulgaris, Erica vulgaris (сусы-пу), ладанъ церковный, кусокъ глины отъ печи (гуръ-сюи) и проч. Иногда дѣтскую колыбель обводятъ три раза ножемъ или инымъ какимъ нибудь орудіемъ, заключающимъ въ себѣ укладъ, чтобы за черту никакая нечистая сила не могла перейти и чтобы постель дитяти была недоступной для чаръ колдуна. Сверхъ сего нѣкоторые противъ олицетворяемой болѣзни, горячки (кыль), приносятъ въ избу сосудъ съ дегтемъ.

Чародѣйная сила особенно скопляется въ колдунѣ, по повѣрью инородцевъ, къ ночи на Великій четвертокъ (Четверикъ-

уй, Чукъ-мынчо-уй), и тогда горе колдуну, если вечеромъ, въ сумерки, незамѣтно для него, вокругъ дома его будетъ обведена черта какимъ нибудь орудіемъ, заключающимъ въ себѣ укладъ, напримѣръ косой, ножемъ, топоромъ... Ту ночь колдунъ проведетъ въ страшныхъ мученіяхъ, не имѣя возможности перейти за черту. Тогда невола заставитъ его выпустить изъ себя скопившійся тлетворный духъ на кого нибудь изъ членовъ семьи, хотя бы и былъ тотъ первымъ любимцемъ у него. И заколдованный долженъ непремѣнно умереть. Иначе колдуну постигнуть будетъ нельзя: онъ будетъ мучиться отъ шайтановъ какъ въ огнѣ. Въ другое время, если колдунъ дунетъ, прочитавши свой заговоръ, въ воздухъ, тлетворный духъ его заражаетъ воздухъ и этотъ воздухъ несется туда, куда онъ дунулъ: и если на пути встрѣтится какое нибудь животное, оно околѣетъ, а растеніе засохнетъ.

Колдуны по вотскому повѣрью (впрочемъ, это повѣрье существуетъ и у русскихъ) оборачиваютъ въ волковъ цѣлыя свадьбы (жениха и невѣсту съ поѣзжанами), и горе имъ, если не найдется знатокъ, могущій разрушить чары колдуна. Тогда поѣзжане, во главѣ съ женихомъ и невѣстой, должны влачить свое существованіе въ образѣ волковъ до смерти, рыская по лѣсамъ и добрямъ и голодая. Если же не найдется такой знатокъ, должно искать того самаго колдуна, который оборотилъ ихъ въ названныхъ звѣрей, и стараться всѣми мѣрами разжалобить его и отдать ему то, что онъ будетъ требовать; иначе простись съ ними навсегда.

Колдуны, если ихъ не обижаютъ, вреда не дѣлаютъ никому: они даже могутъ быть иногда полезными, напримѣръ могутъ открыть вора, предостеречь отъ лихого человѣка: словомъ, они могутъ дѣлать и зло, и добро, смотря потому, въ какихъ отношеніяхъ будешь съ ними.

Колдунъ умираетъ ужасно, особенно если онъ не могъ передать свое знаніе по наслѣдству кому нибудь, т. е. не научилъ колдовству. Его при смерти будутъ мучить шайтаны, которые при жизни служили ему. Чары такого колдуна, по смерти его, удаляются отъ него въ видѣ черныхъ облаковъ.

Въ одномъ изъ селъ Глазовскаго уѣзда слыла колдуньей старуха вотячка, и ея боялись, какъ звѣря, и, конечно, оскорблять не осмѣливались. Жила она подъ горой, въ сосѣдствѣ съ дремуч-

чимъ болотистымъ лѣсомъ, гдѣ по ночамъ въ осеннее время кричалъ филинъ. Когда умирала эта женщина, радовались многіе, считавшіе ее виновницей смерти своихъ дѣтей и родственниковъ. Наконецъ въ одинъ вечеръ, на закатѣ солнца, она умерла. На другой же день заговорили, что въ то самое время, когда душа ея переселилась въ загробный міръ, надъ избой ея появилось густое черное облако и пронеслось оно по лѣсамъ въ видѣ тучи. Это чары колдуньи говорили ея ненавистники.

Иные колдуны въ своихъ могилахъ не гніютъ. Днемъ они лежатъ въ гробахъ какъ погруженные въ летаргическій сонъ, а по ночамъ, въ урочные часы, рыщутъ, какъ звѣри, ища человѣка, чтобы съѣсть. Они ходятъ въ видѣ скелета. Такіе колдуны называются Кулемъ-убиръ, о которомъ, между прочимъ, мы уже говорили выше. О нихъ въ устахъ народа сложилось множество разсказовъ, изъ коихъ одинъ помѣщенъ въ нашей книгѣ „Вотяки Сарапульскаго уѣзда“ [1]).

Нѣкоторымъ колдунамъ, слывущимъ въ то же время ворожеями, послѣднее званіе приноситъ не малую пользу. Кромѣ своихъ единоплеменниковъ, обращаются къ нимъ и русскіе, пріѣзжающіе изъ за 50 и далѣе верстъ, и платятъ имъ, въ сравненіи съ вотскими просителями, щедрѣе. Такіе колдуны-ворожеи своимъ занятіемъ являются иногда возмутителями семейнаго спокойствія и виновниками различныхъ дрязгъ. Приведемъ примѣръ, бывшій въ деревнѣ Лильпуръ Шаркайскаго прихода, 8 мая 1889 года.

Въ началѣ названнаго мѣсяца въ вышеупомянутой деревнѣ у двухъ женщинъ потерялись холсты, которые были разостланы въ лужкѣ для бѣленія. Ни мало не медля, мужья потерпѣвшихъ отправились въ дер. У....., Сосновскаго прихода, къ пользующемуся тамъ извѣстностью ворожеи И...., умѣющему, какъ говорятъ, „жечь волчьи жилы“, т. е. колдовать. И ворожея этотъ, получивши за свои труды чистаго гонорара 1 р. 50 к., пріѣхалъ въ названную выше деревню на готовой подводѣ. Собралъ тамъ въ избу одного изъ потерпѣвшихъ односельцевъ обоего пола и во всеуслышаніе объявилъ, что „воръ уже занесъ въ избу“, т. е. въ числѣ собравшихся уже находится воръ, который укралъ холсты. Затѣмъ потребовалъ онъ чашное блюдечко и положилъ въ него привезенныя съ собой волчьи жилы (кіонъ-сёнъ) и лен-

[1]) См. стр. 174—175.

ное сѣмя (стынь кидысь). Потомъ взялъ съ божницы икону Святителя Николая Чудотворца и положилъ ее на столъ лицомъ въ сторону предстоящихъ, въ числѣ которыхъ, какъ онъ объявилъ, уже есть воръ. Далѣе, по иконѣ разложилъ куски изрѣзаннаго ножемъ хлѣба и взялъ съ божницы огарокъ восковой свѣчки; прилѣпилъ ее къ волчьимъ жиламъ и отдалъ потерпѣвшему, говоря: „поставь эту свѣчку предъ иконой и молись вмѣстѣ съ женой; молясь, говорите: кто укралъ наши холсты, пусть того скорчитъ, какъ скорчиваются волчьи жилы: пусть сохнетъ онъ, какъ сохнетъ ленное сѣмя". Потерпѣвшій поставилъ свѣчку и знахарь, открывши кошелекъ съ леннымъ сѣменемъ и жилами, сѣлъ за столъ. Когда подошла къ столу жена потерпѣвшаго, знахарь сказалъ ей: „скажи Богу, что я (потерпѣвшая) грѣшу, не зная кто укралъ". Если скорчитъ вора, если высохнетъ онъ, пусть меня Богъ проститъ; я же грѣхъ вору не прощаю и желаю ему смерти. Потерпѣвшій съ женою помолились, повторяя вышеприведенныя слова знахаря, и, взявши въ руки свѣчку съ волчьими жилами, стали дѣлать примѣръ, что ихъ крутитъ по солнцу: при этомъ они говорили: какъ скручивается волчья жила, пусть также скручиваетъ и корчитъ вора. Послѣ волчьихъ жилъ взяли въ руки льняное сѣмя и сдѣлали примѣръ, что и его крутятъ по солнцу, при этомъ опять говорили: какъ сохнетъ это сѣмя, пусть также сохнетъ и воръ. Въ заключеніе потерпѣвшій съ женой съѣли съ иконы по куску хлѣба и отошли. По данному потерпѣвшими примѣру, стали подходить къ столу посторонніе, въ числѣ которыхъ, по убѣжденію потерпѣвшаго, былъ воръ. Всѣ они дѣлали то же, что дѣлалъ потерпѣвшій съ женой, но слова ихъ были другія, именно они говорили: „не я укралъ: кто укралъ, пусть того скорчитъ, пусть тотъ высохнетъ". Когда всѣ находящіеся въ избѣ покрутили въ своихъ рукахъ жилы и сѣмя и съѣли по куску хлѣба, знахарь обратился къ предстоящимъ: „кто укралъ—скажите, не то я буду жечь волчьи жилы, и тогда горе вору! Онъ умретъ въ страшныхъ мученіяхъ". Виновнымъ, конечно, себя никто не призналъ.

По приказанію знахаря, на столъ принесли сковороду и лучину. Знахарь зажегъ лучину и сталъ жечь на сковородѣ волчьи жилы съ леннымъ сѣменемъ; при этомъ онъ говорилъ: какъ корчитъ огнемъ эти жилы, какъ сохнетъ и горитъ это сѣмя, пусть также скорчитъ и вора, пусть онъ высохнетъ и сго-

рить. Пускай воръ не найдетъ себѣ покоя нигдѣ, блуждаетъ по лѣсамъ, какъ волкъ: пусть таскаетъ и мучитъ его Полъмурть, нечистая сила и т. д. Словомъ, знахарь желалъ вору самыя страшныя адскія муки. Этимъ жженіе волчьихъ жилъ и льняного сѣмени и кончилось. Затѣмъ знахарь вышелъ изъ за стола и объявилъ, что чрезъ три дня вора скорчитъ.

Это колдовство называется *кіонь-сёнь сутонь* (жженіе волчьихъ жилъ), а ядѣніе хлѣба - *мыдорь вылысь нянь сіонь* (ядѣніе хлѣба съ иконы).

Еще бывши у себя, знахарь, повороживши, объявилъ, что холсты украдены женщиной-сосѣдкой и зарыты ей въ сѣно. Словамъ этимъ, конечно, повѣрили, и одну изъ женщинъ сосѣдъ публично назвалъ воровкой. Послѣдствіе этого мужъ оклеветанной женщины, изъ стыда предъ своими сосѣдями, слѣпо вѣря знахарю, нанесъ своей женѣ жестокіе побои, что дало еще бо́льшій поводъ „думать“ на женщину, и, само собой разумѣется, въ виновности оскорбленной никто изъ потерпѣвшихъ не сомнѣвался.

Подобный обычай мы видѣли и въ Глазовскомъ уѣздѣ. Но тамъ ядѣніе хлѣба называется *пуртъ вылысь нянь сіонь* (ядѣніе хлѣба съ ножа). Такое названіе дано, вѣроятно, потому, что куски хлѣба съ иконы берутъ остріемъ ножа и въ данномъ случаѣ ножъ служитъ вилкой. Есть такимъ образомъ по куску хлѣба съ иконы приглашались сосѣди однимъ изъ зажиточныхъ домохозяевъ, у котораго потерялись деньги. Это было что-то вродѣ присяги и роль знахаря игралъ самъ потерпѣвшій, не слывшій ни ворожеей, ни колдуномъ.

Покончивши съ описаніемъ нѣкоторыхъ божествъ, капищъ и другихъ мѣстъ молеленъ, перейдемъ къ изслѣдованію современной религіи языческаго культа вотяковъ.

Что же такое вотская религія или, вѣрнѣе, религіозные обычаи ихъ, къ которымъ привязаны они? Религія эта смѣсь различныхъ религій, преимущественно буддизма и брамизма. Эту религію усвоили они, можетъ быть, отъ монголовъ, которые, будучи при завоеваніи Руси язычниками, и обратили въ свою вѣру вотяковъ. О владычествѣ монголовъ, между прочимъ и надъ вотяками, и теперь живо преданіе въ устахъ этого народа. Объ этомъ говоритъ и разсказъ, записанный со словъ вотяковъ Гыпиской волости Глазовскаго уѣзда [1]).

[1]) «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда» Эскизъ IV. И. Первухина. Вятка 1889 г., стр. 17.

По словамъ стариковъ названной волости, прежде, чѣмъ пришли къ нимъ русскіе, они, вотяки, жили не сами по себѣ, а были въ подчиненіи у татаръ, которыми правилъ тогда особый царь *Кунъ* (тат. Ханъ). Сначала татары брали съ вотяковъ только оброкъ: извѣстную часть сноповъ съ поля, извѣстную часть птицы и звѣря изъ лѣса и извѣстную же часть рыбы изъ воды, и вотяки на это не были въ большой обидѣ. Но потомъ татаръ становилось все больше и больше и они стали требовать, чтобы вотякъ, ставъ на четвереньки, подставлялъ свою спину, когда татарину нужно было влѣзать на лошадь, и не позволяли жениться парню на дѣвушкѣ ранѣе, нежели эта дѣвушка пробудетъ у татарина наложницей 4—5 дней. Наконецъ вотякамъ надоѣло переносить такія притѣсненія, и они, призвавши къ себѣ русскихъ, прогнали татаръ.

Если же вотяки были буддистами до нашествія монголовъ, то, вѣроятно, древнее происхожденіе ихъ идетъ отъ какихъ нибудь племенъ, обитавшихъ въ Индіи. Вѣдь и теперь они свое жилище называютъ *инды, инты*. Конечно, по сходству языка ихъ причисляютъ къ финскимъ племенамъ. Но развѣ языкъ ихъ отъ смѣшенія съ другими племенами не могъ преобразоваться. Да и языкъ ихъ во многомъ рѣзко отличается отъ правилъ финскихъ языковъ, напримѣръ пермяцкаго и зырянскаго; у нихъ встрѣчаются и звуки своеобразные, какихъ нѣтъ въ другихъ финскихъ языкахъ.

Татары вотяковъ называютъ *аръ*, причисляя ихъ къ остаткамъ индійскихъ арійцевъ; а сами себя вотяки называютъ *Удмортъ* (вмѣсто Удмуртъ). Слово это составилось изъ двухъ корней *уд*—названіе племени и *муртъ*—названіе всякаго одушевленнаго предмета, существа, персоны. Первый корень входитъ и въ индійскую троицу trimurti. И тріипостаснаго Бога вотякамъ нельзя перевести иначе, какъ только—квинь-мурто Инмаръ.

До пришествія въ Европу, Уды (вотяки) обитали въ странахъ прикаспійскихъ и около Алтая, преимущественно тамъ, гдѣ нынѣ города: Верхнеудинскъ, Нижнеудинскъ, Новоудинскъ и рѣка *Уда*, впадающая въ Селенгу. Если Уды обитали въ этихъ странахъ, то въ Европу переселились они подъ именемъ *Омяковъ*; потомъ, въ позднее время названы *Отяками*, какъ называются и въ имѣющейся у насъ рукописи 1703 года. Въ настоящее время ихъ уже ни гдѣ ни Омяками, ни Отяками не называютъ; оста-

лись памятникомъ перваго названія только деревни, какъ, напримѣръ, древняя вотская деревня Слободского уѣзда *Омся* (деревня, населенная Омсяками). Быть можетъ, слово это происходило отъ таинственнаго имени божества Омъ, которое произносилось брамінами при началѣ молитвы, какъ и нынѣ вотяки произносятъ „остэ“.

Замѣчательно, что между сибирскою рѣкою Обью и Уральскими горами и теперь рѣки и озера имѣютъ вотскія названія: Индра (названіе идійскаго божества) Огырсы-Ягошуръ, Иртышъ, Каробамъ, Вай, Норья [1]), Мумья, Сура, Унъ-яго. Такъ равно и въ Европейской части Уральскихъ горъ встрѣчаемъ у рѣкъ такія же вотскія названія: Валсуй, Улсуй, Шудья, Инва и проч. Инва, какъ извѣстно, почитаемое нынѣ вотяками божество, равнозначущее индійскому Вишну.

По разсказамъ вотяковъ, порядокъ богослуженія у предковъ ихъ язычниковъ былъ изложенъ въ книгѣ, которая хранилась до пришествія къ нимъ иноплеменниковъ на бѣломъ камнѣ. Предъ нашествіемъ послѣднихъ, главный жрецъ, опасаясь подвергнуться за эту книгу мученіямъ со стороны иноплеменниковъ, рѣшился книгу сжечь; а чтобы въ людяхъ (вотякахъ) сохранилась память о порядкѣ молитвъ и суда (въ этой книгѣ заключался и порядокъ суда), онъ, жрецъ, призвалъ къ себѣ 12 молодыхъ учениковъ и 12 дней и ночей читалъ имъ эту книгу, а ученики его пѣли за нимъ, пока не выучили книгу наизусть. Когда же узнали объ участи книги и спросили жреца, какъ будемъ теперь молиться безъ книги, онъ указалъ на 12 выученныхъ имъ молодыхъ учениковъ и сказалъ, что каждый изъ нихъ можетъ выучить тому же 12 другихъ и такъ сохранится вѣра [2]).

Означенные 12 вотскихъ ученыхъ напоминаютъ тѣ 12 книгъ законовъ Мануса, внука Брамы, которые обнимали общественное и частное право.

Покланяясь своимъ воображаемымъ божествамъ въ капищахъ и священныхъ лѣсахъ, вотяки свои религіозные обряды сопровождаютъ пѣснями и жертвами; также пѣсни поются ими и на поминкахъ по умершимъ, подобно тому, какъ дѣлали арійскія племена, обитавшія около Инда, а духовному Брамѣ молились въ уединеніи лѣсовъ.

---

[1]) Норья, какъ извѣстно, есть и въ Сарапульскомъ уѣздѣ.

[2]) Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. Эскизъ І. Н. Первухина. Вятка, 1888 г., стр. 48—49.

Нельзя умолчать здѣсь и о сохранившемся еще кое гдѣ обычаѣ бракосочетанія по языческому обряду въ капищѣ Будзимъ-ква, гдѣ жрецъ испрашиваетъ у воображаемаго божества счастіе въ супружеской жизни молодымъ. Обрядъ этотъ называется Вылвӧсь [1]) и почти тождественъ съ обычаями Индіи, гдѣ жрецы, по правиламъ Мануса, благословляли супружество предъ жертвенникомъ. Впрочемъ, Вылвӧсъ, со времени воспрещенія варенія кумышки, уже переходитъ въ область преданій.

Индійскія священныя книги Веды служили источникомъ знанія, сборникомъ священныхъ пѣсенъ и призываній, подобно тому, какъ и вотскіе *вдун'ы* служатъ заклинателями и чародѣями. Ведуны, говорятъ вотяки, преображаются въ разныхъ животныхъ и ходятъ по землѣ, особенно въ ночь на Великій четвертокъ, насылая на людей разную хворость. Въ названную же ночь, когда колдуны оборачиваются въ животныхъ, подъ столомъ въ переднемъ углу, по словамъ вотяковъ, являются таинственныя зерна хлѣбныхъ растеній. Это напоминаетъ остатки индійскихъ вѣрованій, когда воплощенное божество, по преимуществу Вишну, принимало на себя образы животныхъ и человѣка и помогало людямъ въ трудныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни.

Думаемъ, что кромѣ именъ, равнозначущихъ индійскимъ божествамъ, въ языкѣ вотскомъ сохранились и слова, означающія названія другихъ индійскихъ божествъ, какъ напримѣръ *чандрасъ* или *чандрсъ*—названіе серповидной луны (чандрасъ-толызь). Такъ назывался у индусовъ богъ луны.

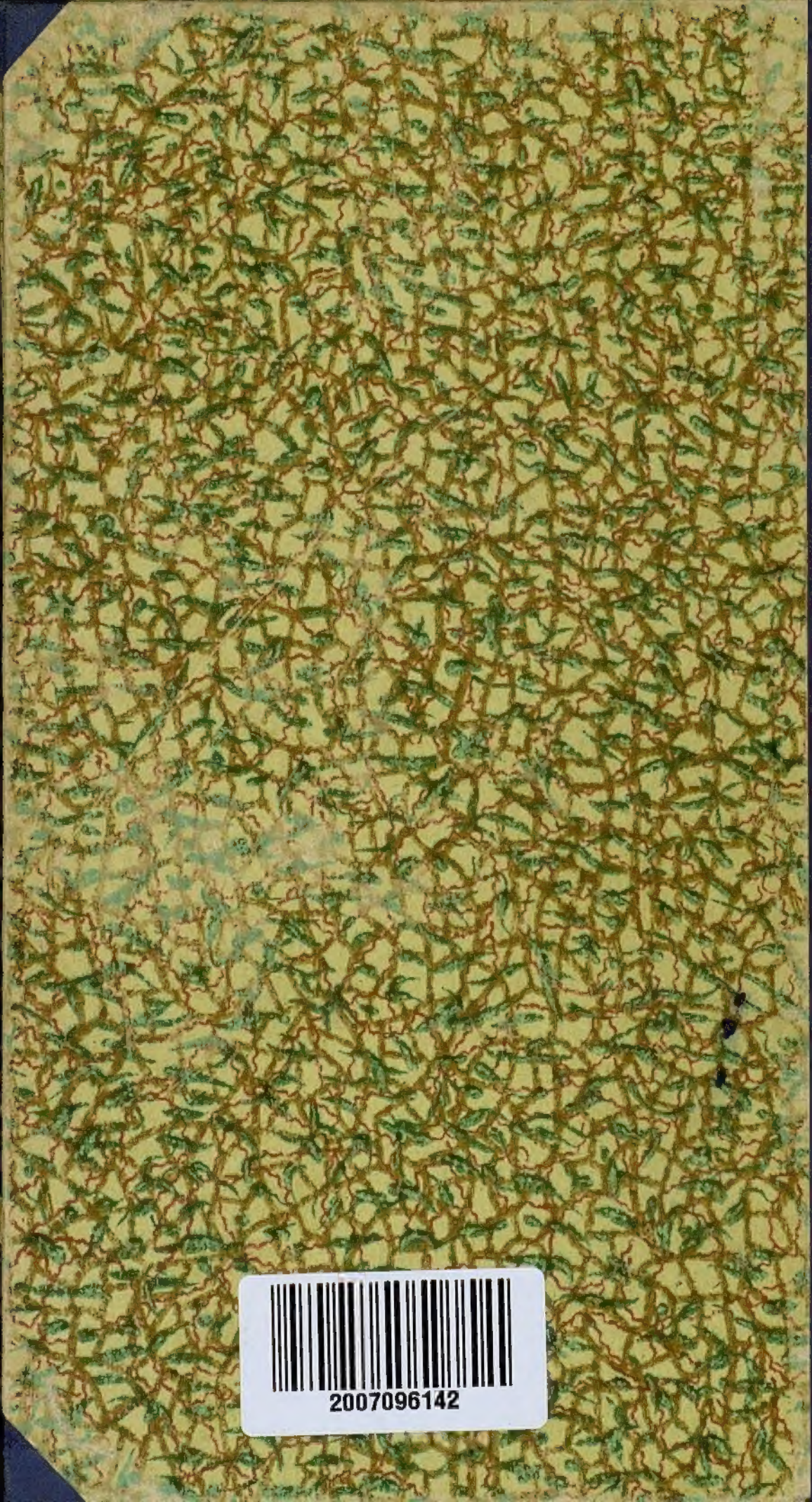
Къ числу забытыхъ вотяками божествъ причисляются, между прочимъ, Курни и Сири, считавшіяся злѣйшими божествами. Они напоминаютъ Сиву или Шиву—индійское божество разрушенія и смерти. Имена его женъ, Дурга и Кали, и теперь сохранились въ вотскомъ языкѣ. Такъ называются мѣстами воршуды и, кромѣ сего, именемъ Кали кличутъ младшія снохи старшую.

Въ заключеніе намъ остается пожелать успѣха спеціалистамъ, которые, изслѣдовавши религію вотяковъ, навѣрно во многомъ согласятся съ нами.

Гр. Егор. Верещагинъ.

Дер. Ляльшуръ,
Сарапульскаго уѣзда.

[1]) См. «Вотяки Сарапульскаго уѣзда». 1889 г., стр. 106—108.



2007096142